Op 2 8/2

№ 26. Отечественная Библіотека № 26.

-413
2Р2 8/2
8/2

„ВЫСШІЙ ПОДВИГЪ“.

Петръ Аркадьевичъ

СТОЛЫПИНЪ,

жизнь за Царя и Родину положившій.

„Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“.
Ев. отъ Іоанна XV, 13.

„Подвигъ есть и въ сраженіи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ.
Высшій подвигъ въ терпѣніи,
Любви и мольбѣ“. . .
А. С. Хомяковъ.

А. П. Аксаковъ.

Изданіе Всероссійскаго Національнаго Клуба.
С.-Петербургъ, Литейный, 10.

Изданія Всероссійскаго Національнаго Клуба.

1. **По ту сторону Сестры-рѣки.** Правда о Финляндіи. **Ц. 10 к.**

2. **Страдалецъ за родину.** Патріархъ Гермогенъ. **Ц. 10 к.**

3. **Западная Русь.** Въ борьбѣ за національно - народное дѣло. **Ц. 15 к.**

4. **Забытые наши братья.** Холмская Русь. **Ц. 15 к.**

5-а. **Партизаны 12 года. Ц. 15 к.**

6. **Свѣтлый витязь.** Князь Скопинъ-Шуйскій. **Ц. 10 к.**

7. **Воздухоплаваніе и летаніе. Русскіе летуны Ц. 10 к.**

9. **Народный вождь.** Прокопій Ляпуновъ. **Ц. 10 к.**

11. **Наши зарубежные братья въ борьбѣ за народность.** Угорщина. **Ц. 10 к.**

14. **Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ. Ц. 25 к.**

15. **Какъ прекратили крѣпостное право на Руси. Ц. 10 к.** (Для начальныхъ школъ и дѣтей).

16. **Жизнь и царствованіе Императора Александра II. Ц. 20.**

17. **Царь-Освободитель, его дѣла и завѣты. Ц. 10 к.** Къ этой книжкѣ изготовлено 46 свѣтовыхъ картинъ для воспроизведенія во время публичныхъ народныхъ чтеній.

18. **Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ Царю-Освободителю. Ц. 10 к.**

20. **Великій день.** Юбилейная пьеса въ 1 дѣйствіи. **Ц. 1 р.**

21. **Памятка русскому народу о Царѣ-Освободителѣ и его великихъ дѣяніяхъ. Ц. за 100 экз. 8 р.** Для раздачи солдатамъ, потѣшнымъ и учащимся.

24. **Снимки съ картины: Привѣтствіе Царя-Освободителя.** Съ текстомъ. **Ц. 100 экз. 1 руб.**

25. **Открытыя письма съ портретами Императора Александра II** и картинами жизни и царствованія. **Ц. 10 экз. 40 к., 1 экз. 5 к.**

298/2 2

„Высшій подвигъ“.

Петръ Аркадьевичъ

СТОЛЫПИНЪ,

жизнь за Царя и Родину положившій.

Библіотека
Д 947 № 3402
Россійскаго
Историческаго Музея

„Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“.
Ев. отъ Іоанна XV, 13.

„Подвигъ есть и въ сраженіи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣніи,
Любви и мольбѣ“. . .
А. С. Хомяковъ.

947
А41

А. П. Аксаковъ.

Изданіе Всероссійскаго Національнаго Клуба.
С.-Петербургъ, Литейный, 10.
1912.

Типографія Р. В. Коротаевой, Загородный пр., д. 10.

26180
9.X.24.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Не мало дней протекло съ той ужасной и скорбной минуты, когда пуля презрѣннаго убійцы вырвала изъ русской жизни Петра Аркадьевича Столыпина, а столбцы ежедневной печати и до сихъ поръ продолжаютъ заполняться воспоминаніями, статьями и данными по поводу его утраты, характеризующими его личность, его дѣятельность, а равно и раскрывающими новыя и новыя стороны его гражданскаго подвига. Имя П. А. Столыпина, и ранѣе столь родное многимъ русскимъ людямъ, послѣ святотатственнаго кіевскаго преступленія, жертвою котораго онъ палъ, разнеслось далеко по градамъ и весямъ необъятной нашей Родины, а желаніе узнать, оцѣнить и почтить безвременно погибшаго героя-мученика охватило широкіе круги всей грамотной Россіи. Такой интересъ, такая жажда ближе узнать П. А. Столыпина вполнѣ естественны. Каждый, уважающій себя, народъ чтитъ и благоговѣйно хранитъ память своихъ героевъ; память эта богатство, источникъ силы народа,—а свѣтлая, могучая личность П. А. Столыпина вполнѣ заслужила имя героя.

Ежедневная печать не можетъ удовлетворить помянутому желанію; она даетъ матеріалъ цѣнный,

но крайне разбросанный. Газетные листы къ том же непрочны, такъ непрочны, что не выдерживают передачи изъ рукъ въ руки, и въ концѣ концов обречены на безслѣдное исчезновеніе. Безъ сомнѣ нія, въ будущемъ появятся обширные труды о П. А Столыпинѣ, а еще позднѣе сама исторія отведет ему на своихъ страницахъ выдающееся мѣсто и, в лицѣ представителей исторической науки, ярко освѣ титъ разныя стороны его государственной дѣятель ности. Въ настоящее же время намъ кажется необх димымъ отвѣтить на требованіе минуты.

Предлагаемый очеркъ, написанный подъ гор чимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, ставит своей задачей развернуть передъ глазами читател постепенно и послѣдовательно страницы подви П. А. Столыпина и, равнымъ образомъ, возстан вить возможно точно и ясно главнѣйшіе завѣт этого лучшаго гражданина земли Русской.

А. П. Аксаковъ.

П. Столыпинъ

Имъ нужны великія потрясенія—
Намъ нужна Великая Россія.
(изъ рѣчи П. А. Столыпина).

Самоотверженный борецъ за державныя права русскаго народа, за достоинство и честь Россіи, доблестный слуга Царя и родины, павшій отъ пули революціонеровъ въ городскомъ театрѣ г. Кіева 1 Сентября 1911 года во время торжественнаго спектакля въ Высочайшемъ присутствіи

Предсѣдатель Совѣта Министровъ

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ.

† 5 Сентября 1911 г.

I.

Еще памятны всѣмъ смутные и тревожные дни, пережитые Россіей въ началѣ 1906 года. Первая Дума, призванная къ совмѣстному съ правительствомъ созиданію новой русской жизни, не оправдала возложенныхъ на нее Державной волей надеждъ. Вмѣсто того, чтобы упорнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ содѣйствовать мирному осуществленію благъ, дарованныхъ предшествовавшими ей Высочайшими Манифестами, вмѣсто того, чтобы открытымъ осужденіемъ террора внести успокоеніе въ измученную смутою страну, она своими буйными нападками на представителей правительства, своими революціонными выступленіями и неосуществимыми требованіями, разсчитанными лишь на возбужденіе низменныхъ страстей въ темныхъ массахъ, только содѣйствовала распространенію въ странѣ анархіи и еще большему государственному развалу. Революціонная волна подымалась все выше и выше, и разливаясь по окраинамъ государства; въ центральной Россіи тоже пылали пожары, совершались непрестанные грабежи, насилія и убійства, и даже въ ближайшія къ столицѣ укрѣпленныя мѣстности закрадывалась измѣна, безумно и нагло подымала знамя бунта. Уваженіе къ власти падало съ ужасающей быстротой. Въ сердца менѣе храбрыхъ представителей правительства и многихъ общественныхъ дѣятелей проникало сомнѣніе даже въ возможности вернуть власти ея прежнее обаяніе. Дума перваго созыва, неспособная къ работѣ, намѣченной для нея Державной волей, была, наконецъ, распущена, но и въ минуту роспуска, ея неудачные законодатели попытались внести новую смуту въ страну

подписавъ въ Выборгѣ знаменитое своимъ безумiемъ воззваніе, призывавшее населеніе къ неплатежу податей и къ отказу отъ воинской службы. Жутко становилось помнившимъ завѣты исторіи и любящимъ родину сынамъ ея.

Часъ скорби пробилъ; Руси вѣрной сыны
Безъ боя предъ ложью склонились;
Безъ доблести пали; разсѣялись сны,
И чести завѣты затмились.

Такъ характеризовалъ эту печальную минуту одинъ изъ русскихъ поэтовъ.

Съ высоты Престола раздались тогда памятныя скорбныя, но полныя вѣры въ будущее Россіи, слова Высочайшаго Манифеста отъ 9 Іюля 1906 года.

„Волею Нашею призваны были къ строительству законодательному люди, избранные отъ населенія. Твердо уповая на милость Божію, вѣря въ свѣтлое и великое будущее нашего народа, Мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

„Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Нами крупныя преобразованія, и на первомъ мѣстѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія, и тяготы народныя — облегченіемъ условій земельнаго труда. Ожиданіямъ Нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область, и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей къ указаніямъ Намъ на несовершенство законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть приняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

„Смущенное же таковыми порядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

„Но пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія, и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ дорогомъ отечествѣ.

„Да возстановится же спокойствіе въ землѣ Русской, и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ Царственныхъ трудовъ Нашихъ—поднять благосостояніе крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложатъ, по призыву Нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу Думы.

„Съ непоколебимой вѣрой въ милость Божію и въ разумъ русскаго народа“,—говорилось далѣе въ Манифестѣ,—„Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданій нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

„Вѣрные сыны Россіи. Царь вашъ призываетъ васъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой родины. *Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла*, и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава Земли Русской.“

На этотъ отъ сердца идущій призывъ Царя къ миру и созидающему труду, народные представители Думы второго призыва отвѣтили, однако, какъ мы знаемъ, новыми буйными выступленіями и попытками, такъ называемой, „осады власти“. Но надежды Царя на появленіе богатыря

мысли и дѣла все же оправдались. Такого богатыря, глубоко любящаго Родину, сильнаго духомъ, богато одареннаго способностями, вѣрнаго завѣтамъ исторіи, онъ нашелъ въ ближайшемъ сотрудникѣ, назначенномъ имъ одновременно съ роспускомъ первой Думы на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, въ Петрѣ Аркадьевичѣ Столыпинѣ.

Опасности родятъ героевъ, и не впервые Россіи въ годину лихолѣтій выдвигать лучшихъ своихъ сыновъ на защиту Царя и Родины. Какъ это было въ памятные великими бѣдами и скорбями народными годы смутнаго времени начала XVII вѣка, когда иноземные враги дѣлили русскія исконныя земли, когда собственные „воры“ ставили родину-мать на край гибели, и Русская Земля выдвинула на чреду служенія родинѣ такихъ гражданъ, какъ Мининъ, патріархъ Гермогенъ, князь Пожарскій и келарь Авраамій Палицынъ, такъ и въ смутные дни 1906 г. она на помощь ослабѣвшей и распадавшейся власти выдвинула П. А. Столыпина. Въ ту минуту, когда такъ нуженъ былъ устойчивый и твердый кормчій, онъ нашелся, и мы убѣдились, что не въ конецъ оскудѣла Русская Земля и можетъ еще давать богатырей.

Такимъ богатыремъ оказался мужественный, глубоко честный, искренній и горячо любившій Россію, родной ей по крови человѣкъ, любившій ее не той отвлеченной, разсудочной любовью, о которой заявляютъ часто нѣкоторые современные дѣятели, давно разорвавшіе связь свою съ завѣтами исторіи, и которые подчасъ мирятся съ позоромъ Родины, и рукоплещутъ ея бѣдамъ, вмѣстѣ съ исконными ея врагами, но живой, теплой любовью, которая развивается и крѣпнетъ только на устояхъ непрерывной связи съ прошлымъ Родины, которая двигаетъ на жертвы ей и удесятеряетъ силы въ минуты грозящихъ ей опасностей.

До назначенія своего Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 26 Апрѣля 1906 года, т. е. менѣе чѣмъ за три мѣсяца до роспуска первой Думы и до вступленія на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, П. А. Столыпинъ былъ извѣ

стенъ, только какъ дѣятель провинціальный, какъ прекрасный и рѣшительный администраторъ, всегда пользовавшійся уваженіемъ населенія тѣхъ мѣстностей гдѣ ему приходилось развивать свою дѣятельность. Связей въ столицѣ, въ средѣ свѣтской знати и въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ у него почти не было, а имя его, столь славное и невольно вызывающее теперь предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ знакомый благородный обликъ смѣлаго борца, мудраго правителя и могучаго оратора, тогда въ общественныхъ кругахъ было совсѣмъ мало извѣстно. Болѣе всестороннюю оцѣнку личности П. А. Столыпина мы дадимъ позднѣе, постепенно развертывая передъ читателями страницы его дѣятельности. Характеръ П. А. Столыпина, убѣжденія, его дарованія и вся его обаятельная личность вырисовалась въ инстинномъ свѣтѣ и отчасти выработалась только постепенно. Прежде всего они обнаружились въ дни борьбы его съ первой и второй Думой, затѣмъ при совмѣстной работѣ съ Думой третьяго созыва, которую ему удалось направить на кропотливый, но честный трудъ законодательнаго дѣла. Обрисовывалась его героическая натура разнымъ образомъ и при непрестанныхъ опасностяхъ, имъ безстрашно переживавшихся, и, наконецъ, послѣдніе штрихи могли быть отмѣчены только въ минуты предсмертныхъ его страданій.

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ происходилъ изъ старинаго дворянскаго рода, существовавшаго уже въ XVI столѣтіи *).

*) Родоначальникомъ Столыпиныхъ былъ Григорій Столыпинъ. Сынъ его Аѳонасій Григорьевичъ и внукъ Сильвестръ Аѳонасьевичъ писались, какъ это видно изъ оффиціальныхъ документовъ, Муромскими городовыми дворянами. Послѣдній изъ нихъ Сильвестръ, за участіе въ войнѣ съ Польшей въ 1654—1655 г.г., былъ награжденъ помѣстьемъ въ Муромскомъ уѣздѣ. У внука этого Сильвестра Аѳонасьевича—Емельяна Семеновича, бывшаго товарищемъ Пензенскаго воеводы, было два сына: секундъ-майоръ Димитрій Емельяновичъ и Пензенскій предводитель дворянства Алексѣй Емельяновичъ. Отъ брака послѣдняго съ Маріей Аѳонасьевной Мещериновой было шесть сыновей. Александръ, бывшій адъютантъ генералиссимуса Суворова;

Отцомъ его былъ Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ, извѣстный Севастопольскій герой, генералъ-адъютантъ и оберъ-камергеръ, женатый на княжнѣ Натальи Михайловнѣ Горчаковой. Такимъ образомъ, въ Петрѣ Аркадьевичѣ Столыпинѣ соединилась кровь стариннаго весьма почтеннаго дворянскаго рода Столыпиныхъ и княжеская кровь Рюриковны. Если кровь можетъ говорить въ важныя минуты жизни, то она могла направить его политическую дѣятельность очевидно только на путь обоснованный на историческомъ укладѣ русской жизни. А кровь въ немъ дѣйствительно сказывалась, и онъ поступалъ всегда и во всемъ, какъ долженъ поступать истинный сынъ Россіи, какъ дворянинъ русскій, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Родился Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ въ 1862 году. Дѣтство свое провелъ въ деревнѣ, въ имѣніи Середниково, подъ Москвой, гдѣ, вблизи съ природой и народомъ, началось его воспитаніе. По окончаніи курса въ СПБургскомъ Университетѣ, въ 1884 году онъ поступилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Черезъ два года онъ причислился къ Департаменту Земледѣлія и сельской промышленности Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ, въ которомъ послѣдовательно занималъ различныя должности, и особенно интересовался сельскохозяйственнымъ дѣломъ и землеустройствомъ. Затѣмъ онъ вновь перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, первоначально Ковенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и Предсѣдателемъ Ковенскаго Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ, а затѣмъ въ

Аркадій другъ Сперанскаго, женатый на дочери графа Николая Семеновича Мордвинова Вѣрѣ Николаевнѣ, и умершій въ званіи сенатора въ 1825 году; умершій въ молодыхъ годахъ Петръ; Николай, генералъ-лейтенантъ, убитый во время бунта въ Севастополѣ въ 1830 году; Аѳонасій бывшій саратовскій предводитель дворянства; Димитрій, генералъ-майоръ (родился въ 1785 г., умеръ въ 1826 г.) и пять дочерей, изъ которыхъ старшая Елизавета Алексѣевна была замужемъ за капитаномъ Преображенскаго полка Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ и имѣла дочь Марію, которая вышла замужъ за Юрія Петровича Лермонтова, отца нашего знаменитаго поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

1899 году былъ назначенъ Ковенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Служба на этихъ мѣстахъ дала ему возможность весьма близко ознакомиться съ мѣстными провинціальными нуждами, дала ему значительный административный опытъ и завоевала ему симпатіи мѣстнаго населенія, которое избрало его Почетнымъ Мировымъ Судьей по Инсарскому и Ковенскому судебно-мировымъ округамъ. Въ 1902 году ему было поручено исправленіе должности Гродненскаго губернатора, а черезъ годъ онъ былъ назначенъ Саратовскимъ губернаторомъ.

Въ Саратовской губерніи, въ дни освободительнаго движенія Столыпинъ обратилъ на себя вниманіе, какъ умѣлый, находчивый, крайне тактичный и мужественный администраторъ. Подымалась великая смута; нѣкоторые уѣзды были охвачены аграрными безпорядками; въ Балашевскомъ уѣздѣ почти всѣ помѣщичьи усадьбы въ короткое время были сожжены и разгромлены. Но Столыпинъ дѣйствовалъ; онъ поспѣвалъ всюду и, дѣйствуя неустрашимо и тактично, успокаивалъ бушующія массы крестьянъ, становясь грудью передъ опасностью и избѣгая кровопролитія и жестокостей. Разсказываютъ, что въ одномъ селѣ, когда онъ стоялъ среди до крайности возбужденной толпы и жизни его угрожала явная опасность, онъ хладнокровно скинулъ съ себя шинель на руки крестьянину-агитатору, поднявшему всю эту смуту и сказалъ ему спокойно: „Подержи-ка, братецъ; неудобно въ ней...“, и агитаторъ почтительно взялъ губернаторскую шинель и понесъ ее за нимъ, какъ эмблему власти, среди сразу присмирѣвшихъ бунтарей. Не связи, не протекціи, а его умныя распоряженія, его мужество, его способности и умъ выдвинули П. А. изъ рядовыхъ администраторовъ и привлекли къ нему вниманіе свыше. Въ 1906 г., когда Совѣтъ Министровъ, во главѣ съ графомъ Витте, вышелъ въ отставку, и новый Совѣтъ Министровъ было поручено сформировать И. А. Горемыкину, П. А. Столыпину по телеграфу было предложено пріѣхать въ Петербургъ и занять постъ Управляю-

щаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Говорятъ, что это предложеніе нисколько не обрадовало П. А.; ему, какъ живому и привязывающемуся къ живому дѣлу человѣку, было жаль оставить Саратовъ, гдѣ дѣло у него наладилось, и онъ предчувствовалъ уже тогда, очевидно, свой мученическій вѣнецъ. Говорятъ, провожавшимъ его онъ сказалъ: „Если предложеніе исходитъ отъ Совѣта Министровъ— постараюсь вернуться обратно; если же изъ Царскаго Села (т. е. отъ Государя), то, конечно, останусь тамъ".

Ко времени его вступленія въ должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ, то есть ко времени начала его широкой политической дѣятельности, ему было 44 года. Это былъ по внѣшности мужественный, почти богатырскаго сложенія человѣкъ, съ привлекательнымъ, величаво-спокойнымъ, внушавшимъ невольное довѣріе и уваженіе лицомъ.

Съ этой минуты, т. е. съ 26 Апрѣля 1906 года, когда онъ вступилъ въ исправленіе обязанностей Министра Внутреннихъ Дѣлъ, онъ до послѣдняго дня своей жизни оставался руководителемъ этого Министерства. Въ дни смуты и ужаса, переживаемые тогда Россіей, важнѣйшей обязанностью государственнаго дѣятеля, принявшаго этотъ постъ, было, конечно, прежде всего подавленіе террора, которымъ революція стремилась запугать и парализовать всякую дѣятельность правительства, а затѣмъ возстановленіе порядка и законности, безъ которыхъ всякая жизнь въ странѣ и всякая общественная дѣятельность, въ томъ числѣ и законодательная, совершенно не могла осуществляться. Послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣропріятій, исходившихъ отъ новаго министра, направленныхъ къ подавленію террора, въ томъ числѣ введеніе военныхъ судовъ; колеблющіеся представители власти на мѣстахъ получили должное предостереженіе, а дѣятели революціи и ихъ закулисные внушители скоро почувствовали его твердую руку. Для мирныхъ же гражданъ, людей порядка, появилась надежда на умиротвореніе, на возрожденіе правительственной власти, какъ бы

очнувшейся отъ гипноза, нагнаннаго на нее революціонными выступленіями и измѣнами.

Столыпинъ, однако, не могъ довольствоваться успѣхами подавленія революціи только силою; онъ искалъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности нравственной побѣды надъ ней и стремился къ возстановленію уваженія къ власти, основанномъ на нравственномъ ея престижѣ. Скоро въ Думѣ перваго созыва, которая тогда еще не была распущена, посыпались запросы какъ объ излишне ретивой и стѣснительной будто бы дѣятельности полиціи, такъ и о препятствіяхъ, будто бы чинимыхъ администраціей дѣлу помощи голодающимъ. Тогда новый Министръ долженъ былъ впервые выступить передъ буйной—враждебной всякой власти—первой государственной Думой.

Отвѣчая на первый запросъ, онъ заявилъ открыто, что не боится свѣта; „недомолвокъ“ не допуститъ въ своемъ отвѣтѣ и будетъ говорить совершенно правдиво и все что ему извѣстно. Взводимое въ данномъ случаѣ на подвѣдомственныхъ ему чиновъ обвиненіе, по имѣвшимся въ министерствѣ свѣдѣніямъ, онъ опровергъ, „но“, сказалъ онъ, „если бы судебное слѣдствіе выяснило обратное, то министерство не преминетъ распорядиться“. „Всякое упущеніе“, говорилъ онъ далѣе, „въ области служебнаго долга не останется безъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій для виновныхъ“. „Но каковы бы ни были проступки и преступленія отдѣльныхъ подчиненныхъ органовъ управленія, правительство не пойдетъ навстрѣчу тѣмъ депутатамъ, которые сознательно стремятся дезорганизовать государство“, „нельзя, даже во имя склоненія на свою сторону симпатій, совершенно обезоруживать правительство и идти по пути сознательнаго его разрушенія“. „Власть—это средство для охраненія жизни, спокойствія и порядка: поэтому, осуждая всемѣрно произволъ и самовластіе, нельзя не считать опаснымъ безвластія“... „Бездѣйствіе власти ведетъ къ анархіи“... „Насъ упрекаютъ. что мы желаемъ насадить вездѣ военное положеніе, что мы желаемъ управлять страною

при помощи исключительныхъ законовъ. У насъ этого желанія нѣтъ, а есть желаніе и обязанность водворить порядокъ. На правительствѣ лежитъ святая обязанность ограждать спокойствіе и законность. Министерство должно требовать отъ своихъ подчиненныхъ осмотрительнаго и осторожнаго, но твердаго исполненія своего долга и закона". На возраженія относительно того, что исполненіе старыхъ, несовершенныхъ законовъ можетъ возбудить ропотъ, онъ отвѣчалъ: „Нельзя сказать часовому: у тебя старое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и постороннихъ; брось ружье". На это честный часовой отвѣтитъ: „Покуда я на посту, покуда мнѣ не дали новаго ружья, я буду стараться умѣло дѣйствовать старымъ..."; обязанность правительства оградить спокойствіе и охранять свободу, и я буду принимать въ этомъ направленіи всѣ мѣры для водворенія порядка и осуществленія самыхъ широкихъ реформъ"...

„Никогда не забуду того сильнаго впечатлѣнія мужества, честности и искренности, которое произвелъ на меня этотъ Министръ", писалъ тогда же на страницахъ „Фигаро" корреспондентъ этой газеты, присутствовавшій на первомъ выступленіи Столыпина въ Таврическомъ дворцѣ. „Впервые въ своей жизни, обращаясь съ рѣчью къ явно враждебному собранію, онъ прямо смотрѣлъ въ лицо своимъ слушателямъ и противникамъ.

„Казалось, онъ хочетъ имъ сказать: „Объясненія, которыхъ вы отъ меня требуете, я вамъ даю со всей откровенностью и честностью. Но мое дѣло, мой долгъ—это править, т. е. обезпечить порядокъ. Будьте увѣрены, что я его выполню".

Во второй своей рѣчи передъ первой Думой, на шумныя обвиненія администраціи въ препятствіяхъ, чинимыхъ будто бы лицамъ, которыя поѣхали оказывать продовольственную помощь голодающимъ, Столыпинъ даетъ нападающимъ рѣшительный отпоръ, показывая тѣмъ, что разъ правительство чувствуетъ себя правымъ, смутить его ссылками на человѣколюбивыя цѣли нельзя. „Насколько

нелѣпо было бы ставить препятствія частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, препятствовать помощи голодающимъ", говорилъ онъ, „настолько же было бы преступнымъ бездѣйствіе мѣстной власти по отношенію къ лицамъ, прикрывающимся дѣломъ благотворительности въ цѣляхъ противозаконныхъ".

Всѣ эти отвѣты теперь намъ кажутся крайне простыми и естественными, но въ то время, когда они произносились, нужно было значительное мужество и обладаніе значительной государственной зрѣлостью, чтобы выступать съ ними передъ Государственной Думой, такъ какъ эти отвѣты шли въ разрѣзъ съ общимъ увлеченіемъ и вѣрой въ цѣлебное свойство парламентскихъ состязаній и битвъ, и съ тѣмъ отношеніемъ къ правительству, которое ранѣе установилось. Тѣмъ не менѣе оказалось, что основной тонъ уже его первыхъ рѣчей былъ взятъ имъ вѣрно.

Послѣ роспуска первой Думы и вступленія Столыпина на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, онъ продолжалъ упорно работать для водворенія порядка въ странѣ, спѣшно подготовлялъ законопроекты и намѣчалъ проведеніе неотложныхъ, по его мнѣнію, законовъ въ порядкѣ чрезвычайномъ *), обращая особое вниманіе на главную неустанную заботу, указанную Державной волей,—заботу по улучшенію земельнаго быта крестьянъ.

Выдающаяся энергія Столыпина въ дѣлѣ водворенія порядка, его подкупающая искренность, его неуклонное стремленіе впередъ по пути реформъ, „впередъ на легкомъ тормазѣ", какъ онъ говаривалъ, напугали и озлобили всѣхъ враговъ русской государственности, и они рѣшились погубить того, кто сталъ серьезнымъ препятствіемъ на ихъ пути. Враги эти увидали, что народилась новая, страшная для нихъ сила,—министръ-реформаторъ, вѣрный исполнитель монаршей воли, неуклонно творящій своё дѣло и способный направить къ дѣйствительному благу

*) Въ порядкѣ 87 ст. зак. основ.

развитіе русской жизни. Это была смерть—конецъ всѣмъ мечтаніямъ революціонныхъ силъ. И вотъ, спустя только мѣсяцъ послѣ назначенія Столыпина Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, группа соціалистовъ-революціонеровъ максималистовъ организовала чудовищное по жестокости покушеніе. Произошелъ взрывъ министерской дачи на Аптекарскомъ островѣ. Вотъ въ краткихъ словахъ описаніе этого событія. 12 Августа 1906 г., въ 3 час. 15 мин. дня, во время пріема у Предсѣдателя Совѣта Министровъ къ дачѣ его у Ботаническаго сада подъѣхало ландо, въ которомъ находилось 3 человѣка; изъ нихъ двое были въ формѣ офицеровъ. Они подъѣхали къ дачѣ министра уже тогда, когда запись посѣтителей была прекращена, а потому, несмотря на пріемный день, прислуга не хотѣла ихъ впускать. Они проявили намѣреніе проникнуть силой въ слѣдующую за прихожей пріемную комнату, гдѣ ждали своей очереди многочисленные посѣтители и находился весь состоящій при Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ штатъ должностныхъ лицъ. Во время столкновенія съ прислугой одинъ изъ злоумышленниковъ, одѣтый въ жандармскую офицерскую форму, бросилъ разрывной снарядъ, тотчасъ же съ страшной силой разорвавшійся. Силой взрыва были разворочены прихожая, прилегающая къ ней дежурная комната и частью слѣдующая за ней пріемная, а также разрушенъ подъѣздъ, снесенъ балконъ второго этажа, опрокинуты выходящія въ садъ деревянныя стѣны перваго и второго этажей. По всему зданію прошелъ страшный толчокъ. Сила взрыва была такова, что частями разрушенныхъ стѣнъ и выброшенныхъ изъ дома предметовъ мебелировки, а также мелкими осколками стекла была осыпана вся набережная передъ дачей. Министръ, принимавшій просителей у себя въ кабинетѣ, остался невредимымъ. Его дочь и сынъ, находившіеся на балконѣ второго этажа, были ранены; первая въ обѣ ноги, а второй въ бедро съ переломомъ кости. Находившіеся въ швейцарской и въ сосѣднихъ комнатахъ лица убиты и ранены. Раскопками, про-

веденными нижними чинами двухъ полковъ и пожарными пяти городскихъ частей, обнаружены 27 труповъ и 32 человѣка съ разными тяжелыми поврежденіями; убійцы сами были убиты взрывомъ. Трупы лицъ, бывшихъ на дачѣ, особъ разныхъ ранговъ и положеній, среди которыхъ были дамы и даже одинъ младенецъ, найдены большей частью обезображенными, въ видѣ безформенныхъ массъ, безъ головъ, рукъ и ногъ; и долго объятые ужасомъ, родные отыскивали среди этихъ обезображенныхъ тѣлъ близкихъ имъ людей. Каретка скорой помощи отвезла дѣтей министра въ частную лѣчебницу доктора Кальмейера, куда скоро прибылъ и самъ П. А. Столыпинъ. Мальчику, сыну Столыпина, было только три года, а дочери его 14. Несчастная дѣвочка, когда ее вытащили изъ подъ досокъ и мусора, и понесли въ сосѣдній домъ, говорятъ, спросила: „Что это— сонъ?“ „Нѣтъ, это не сонъ, барышня“, отвѣтили ей. Когда ее положили на кровать и она увидѣла свои окровавленныя ноги, она горько заплакала.

„За что пострадала бѣдняжка?“ писалъ тогда Суворинъ. „За что пострадали всѣ эти убитые и тяжело раненные, пришедшіе къ Министру съ просьбами? Эти вопросы невольно приходятъ въ голову, но на нихъ нѣтъ отвѣта, какъ нѣтъ отвѣта на многіе другіе вопросы въ это каторжное, проклятое время, время разбойное, мятежное, управляемое бѣсами въ человѣческомъ видѣ.“

Несмотря на страданія дѣтей и ужасъ пережитой минуты, когда среди развалинъ дачи онъ видѣлъ себя окруженнымъ обезображенными трупами, многіе изъ которыхъ представлялись искалѣченными остатками близкихъ ему людей, П. А. Столыпинъ не потерялъ присутствія духа и мужественно давалъ необходимыя распоряженія.

„Послѣ того какъ дѣтей увезли“, разсказываетъ одинъ очевидецъ, министръ вошелъ въ полуразрушенный кабинетъ, вмѣстѣ съ Мин. Фин. Коковцевымъ, который уговаривалъ его перевести семейство къ нему.

— „Когда я вытащилъ свою дочь изъ подъ обломковъ,

ноги ея повисли какъ пустые чулки", говорилъ онъ. Одежда министра вся была замазана известкой, на голов у него было большое чернильное пятно, такъ какъ во врем взрыва подняло столъ ио прокинуло чернильницу. Столы пинъ хладнокровно приказалъ позвать офицера и сказал ему: „Поставьте караулъ къ столу; я видѣлъ здѣсь человѣка который хотѣлъ его открыть. Тутъ государственные доку менты". Въ саду позади виллы отдавалъ приказанія моло дой чиновникъ, прикомандированный лично къ Столыпину весь окровавленный, перевязанный, какимъ то чудом спасшійся изъ маленькой дежурной комнаты, совершенн разрушенной. На деревьяхъ набережной висѣли клочь человѣческаго тѣла"...

„Въ тотъ же вечеръ", продолжаетъ тотъ же очевидецъ „я былъ у Столыпина, Онъ бодро говорилъ мнѣ, что на дѣется спасти своихъ дѣтей"...

Ужасное, неудачное для активныхъ революціонеров покушеніе, стоившее столькихъ жизней, и причинивше столько страданій, вызвало общій крикъ негодованія ужаса. Со всѣхъ сторонъ полетѣли къ Столыпину выражен искренняго соболѣзнованія. Самъ Государь удостоилъ е слѣдующей сердечной телеграммой:

„Не нахожу словъ, чтобы выразить свое негодован слава Богу, что Вы остались невредимы. Отъ души на дѣюсь, что Ваши сынъ и дочь поправятся скоро, также остальные раненые."

Всѣ испытывали жгучее негодованіе и презрѣніе к подлымъ убійцамъ, только лѣвыя и кадетскія группы, п обыкновенію, высказывались сдержанно и лукаво.

„Замѣчательно, что тотчасъ послѣ взрыва на дач П. А. Столыпина", писалъ А. С. Суворинъ, „лѣвая печа настойчиво стала говорить, что онъ уходитъ, что страд нія его несчастныхъ дѣтей такъ подѣйствовали на е нервы, что онъ не можетъ болѣе заниматься дѣлам

*) Г. Сыромятниковъ.

И вотъ всѣ эти дни сердобольная лѣвая печать, надѣленная особенно чувствительнымъ сердцемъ, которое, какъ извѣстно, находится тоже на лѣвой сторонѣ, усердно дебатируетъ это предложеніе министру: Уходите пожалуйста. Благодарите Бога, что вы остались цѣлы, но уходите. Примите въ соображеніе, что убить хотѣли васъ. Васъ не убили, а потому сдѣлайте такъ, что васъ какъ бы убили. *)....

Понимаете, какъ это было бы великолѣпно. Всѣ въ разсыпную и вы первый. Для васъ это нисколько не постыдно. Вы не убиты, но вы убиты горемъ, не только горемъ отца и семьянина, но и горемъ порядочнаго человѣка и честнаго министра, который не можетъ не жалѣть всѣхъ погибшихъ, которые пришли къ нему съ просьбою или служили ему. Васъ никто не осудитъ. Мы напишемъ превосходныя статьи о вашей отставкѣ. Мы скажемъ: „П. Столыпинъ ушелъ. Онъ былъ недурной человѣкъ и даже, какъ министръ, подавалъ нѣкоторыя надежды, но ужасное событіе, направленное не въ него собственно, а въ него, какъ представителя правительства, такъ поразило его нервы... а можетъ быть, кто знаетъ, такъ освѣтило его сознанье, что онъ ушелъ. Онъ почувствовалъ полное свое безсиліе управлять безъ народа, безъ полновластныхъ представителей его, которые одни могутъ успокоить страну“, и многое другое скажемъ. Но только уходите. Согласитесь, если вы не уйдете, то цѣль нашихъ политическихъ палачей не достигнута. Положимъ, число жертвъ очень велико. Это одно изъ самыхъ „грандіозныхъ явленій“ и „нравственныхъ поученій“ для правительства, но все же оно какъ бы не дѣйствительно. А если вы уйдете, то цѣль достигнута вполнѣ. И ужасъ наведенъ, и вы, противъ котораго сами террористы ничего не могутъ сказать, ушли отъ дѣла“.

Конечно, не этими самыми словами, но совершенно этотъ смыслъ слышится въ этихъ настойчивыхъ слухахъ.

---

*) „Въ Маленькомъ письмѣ“ отъ 18 августа.

Уходите и удовлетворите военачальниковъ террора, который мы не одобряемъ, но противъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ, кромѣ послушанія. Въ самомъ дѣлѣ даже одинъ опытный публицистъ говоритъ: „Противъ анархистовъ нѣтъ внѣшнихъ средствъ“. И говоритъ это съ такою же твердостью, съ какою онъ предсказываетъ неурожай тамъ, гдѣ слѣдовалъ урожай. Есть только внутреннія средства, и главное изъ нихъ послушаніе „голосу народа“, ибо террористы это народъ, это его совѣсть и убѣжденіе. „Всѣхъ долой и все наше“. Рецептъ очень простой для тѣхъ, которыхъ преслѣдуетъ терроръ; если взрывъ и убійство при конституціи переходите немедленно къ парламентаризму; если взрывъ и убійство при парламентарной монархіи,—провозглашайте республику, а если при республикѣ послѣдуютъ тѣ же явленія, то одно средство соціалъ-демократія. Терроръ и разчитываетъ такъ. Напугать правительство и общество, и заставить ихъ шествовать ускореннымъ маршемъ къ цѣлямъ террористовъ. Всякая уступка есть расчистка пути для власти революціи. Эволюція—это презрѣнная маска, которую надѣваютъ на себя нѣкоторые; на самомъ дѣлѣ борьба идетъ репрессіями со стороны революціонеровъ, и безъ нихъ революціонеры должны были бы смѣшиваться съ либералами, т. е. употреблять только слова убѣжденія, а не бомбы. Идетъ война и церемониться нечего. Все пускаютъ въ ходъ: лицемѣріе, обманъ, ложь, шпіонство, клевету, взрывы, выстрѣлы. Конечно и правительство можетъ отвѣчать тѣмъ же. Но, вѣдь, то самое оружіе, которое у революціонеровъ носитъ названіе „освобожденія“, „счастья родины“, у правительства оно носитъ названіе палачества, разбойничества и подлости. Каждый арестъ и обыскъ—это гнусное насиліе, а каждая фабрика бомбъ—это храмъ народнаго счастья. Каждый убійца городового и въ особенности губернатора—герой, а каждый убійца убійцы городового—преступникъ и негодяй. Удивительно, какъ все это просто, и какъ быстро воспри-

мается все это публикой. даже самой невинной въ политикѣ.“

Правительство, однако, не испугалось и не послушало предательскихъ соболѣзнованій и совѣтовъ умѣренно-лѣвой печати; Столыпинъ остался. Честный солдатъ не могъ оставить свой постъ, не выполнивъ возложеннаго на него долга. Чувствуя въ себѣ силы и способности служить родинѣ, онъ не могъ уйти, не исполнивъ задачи, возложенной на него Царемъ, и вѣрилъ въ великое будущее Россіи. Передъ его мысленнымъ взоромъ носилось оно, какъ надежда, какъ цѣль. Онъ видѣлъ родину опять могучей и славной, вошедшей въ прочное русло правового порядка, съ обезпеченнымъ крестьянствомъ внизу, тѣсно окружающимъ Царя, не боящагося ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ враговъ. „Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за Царя, за святую Русь“, проносилось въ его сознаніи и смерть на своемъ посту не пугала его, а казалась ему лучшей изъ смертей для истиннаго гражданина. Онъ вѣрилъ, что побѣда за мужествомъ и талантомъ, что онъ совершитъ то, что предназначено. Разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ лѣвая печать не могла успокоиться и распускала слухи объ ожидаемомъ шагѣ назадъ во внутренней политикѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ но, конечно, слухи эти были вполнѣ ложные. Объ истинномъ настроеніи П. А. Столыпина въ эти дни можно судить по впечатлѣніямъ одного лица, посѣтившаго его въ концѣ сентября.

„Скажу откровенно“, писалъ этотъ очевидецъ*) „если-бы въ то время, пока я предъ нимъ сидѣлъ, я не сознавалъ, что рядомъ съ кабинетомъ этого, поглощеннаго государственными заботами, руководителя внутренней политики, ужасныя страданія его дочери напоминаютъ ему ежеминутно о пережитой драмѣ, я бы испытывалъ въ этомъ кабинетѣ, какъ свѣтлѣетъ мое настроеніе отъ всего,

*) Кн. В. П. Мещерскій.

что я отъ моего собесѣдника слышалъ, ибо все, что онъ говорилъ, было ясно, опредѣленно, и отражало спокойный и вѣрный взглядъ на время, и звучало искренностью... Изъ его твердыхъ и опредѣленныхъ рѣчей я могъ вывести заключеніе, что Государева политика, коей онъ и его министры являются точными исполнителями, не только не допускаетъ того шага назадъ, о которомъ говорятъ злонамѣренные люди, съ цѣлью возбуждать и усиливать смуту, но твердо направлена къ осуществленію всего того, что дано и обѣщано, и что, слѣдовательно, всѣ временныя мѣры возстановленія порядка и борьбы съ безпорядкомъ должны быть строги, какъ единственное средство предупредить этотъ шагъ назадъ и осуществить на дѣлѣ то, что Государь далъ и обѣщалъ своему народу".

И дѣйствительно, Столыпинъ продолжалъ неуклонно и неустрашимо свою мужественную работу. Исполняя предначертанія Государя, онъ продолжалъ сосредоточивать свои силы на двухъ первостепенныхъ задачахъ: на возстановленіи нарушеннаго революціонной смутою общественнаго порядка и на проведеніи неотложныхъ законодательныхъ мѣръ къ удовлетворенію наиболѣе назрѣвшихъ народныхъ нуждъ. Проявленная имъ умѣлая рѣшительность въ борьбѣ съ преступными посягательствами, являвшимися главнымъ препятствіемъ къ проведенію въ жизнь настоятельно необходимыхъ преобразованій, содѣйствовала замѣтному укрѣпленію общественнаго порядка внутри страны, несмотря на продолжавшіяся отчаянныя усилія враговъ Россіи ввергнуть ее въ пучину мятежа и насилій и на повторявшіяся отдѣльныя злодѣянія, имѣвшія цѣлью внести смятеніе и колебаніе въ ряды правительства. За то же время трудами Совѣта Министровъ, объединеннаго и сплоченнаго Столыпинымъ, подготовленъ былъ рядъ законопроектовъ и проектъ государственной росписи на 1907 годъ, подлежавшихъ направленію въ общемъ законодательномъ порядкѣ черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Важнѣйшія мѣры по удовлетворенію земельной

нужды крестьянскаго населенія, по крайней неотложности ихъ, были введены въ дѣйствія, въ качествѣ чрезвычайныхъ, по ст. 87 Основныхъ Государственныхъ Законовъ. Для удовлетворенія этой нужды были предназначены свободныя казенныя земли въ Европейской Россіи, а также удѣльныя и кабинетскія; разрѣшена продажа, въ случаѣ исключительной нужды, крестьянамъ участковъ изъ состава имѣній заповѣдныхъ, майоратныхъ, ленныхъ и подуховныхъ; понижены платежи по ссудамъ Крестьянскаго Банка; открытъ для лицъ сельскаго состоянія новый видъ кредита подъ залогъ надѣльныхъ земель въ Крестьянскомъ Банкѣ; установлено право выхода изъ общины отдѣльныхъ крестьянъ, а въ цѣляхъ достиженія возможности такого выхода изданъ законъ, облегчающій переходъ къ подворному и къ хуторскому владѣнію; кромѣ того, крестьяне были уравнены въ правахъ съ прочими сословіями; дарованы новыя существенныя права старообрядцамъ и сектантамъ; установлены, въ интересахъ трудящагося класса служащихъ въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, правила объ обезпеченіи за ними нормальнаго праздничнаго отдыха. Такова была дѣятельность правительства за время предсѣдательствованія Столыпина въ Совѣтѣ Министровъ до созыва второй Думы.

Подпольная дѣятельность революціонныхъ партій, однако, продолжалась. Сердца руководящей кучки революціонеровъ не дрогнули предъ клочьями разорванныхъ на Аптекарскомъ островѣ тѣлъ, предъ массой безплодно загубленныхъ жизней, и, такъ называемыя, „боевыя дружины“, летучіе отряды и группы бомбистовъ стали вновь съорганизовываться съ главной цѣлью лишить Россію ея вѣрнаго защитника. Такъ, уже въ декабрѣ того же 1906 года, вновь была нѣкоимъ Добржинскимъ организована „боевая дружина“, которая, по порученію центральнаго комитета партіи соціалистовъ - революціонеровъ, должна была убить того же П. А. Столыпина; она была во время открыта и захвачена. Въ іюлѣ 1907 года вновь захваченъ былъ „лету-

чій отрядъ", имѣвшій въ своемъ составѣ евреекъ Розу Рабиновичъ и Эстеръ Лею Липину, цѣль котораго была тоже „устраненіе" Столыпина. Въ ноябрѣ 1907 года была захвачена группа соціалистовъ-революціонеровъ максималистовъ, готовившихъ бомбы для „устраненія" многихъ лицъ и, конечно, прежде всего Столыпина. Въ декабрѣ того же года былъ арестованъ въ Гельсингфорсѣ глава „сѣвернаго боевого летучаго отряда" Траубергъ, причемъ главная цѣль дѣятельности отряда была направлена опять на Столыпина. Наконецъ, въ декабрѣ все 1907 же года, была арестована еврейка Фейга Элькина, тоже организовавшая революціонную группу и подготовлявшая смерть Предсѣдателю Совѣта Министровъ. Такая ликвидація ряда террористическихъ группъ на время пріостановила дальнѣйшія покушенія, а разоблаченіе дѣятельности Азефа, поочередно предававшаго то революціонеровъ, то охрану, казалось, и совсѣмъ ихъ обезкуражило. Но, какъ мы теперь знаемъ, убійцы изъ-за угла, опять подняли голову...

Такимъ образомъ, П. А. Столыпинъ долженъ былъ жить и работать подъ вѣчно нависшей надъ нимъ угрозой смерти. Какое рѣдкое, безтрепетное мужество было нужно человѣку, чтобы онъ могъ такъ бодро, спокойно, смотрѣть въ глаза смерти и спокойно продолжать свое великое служеніе родинѣ! Когда Столыпина спрашивали, какъ можетъ онъ спокойно жить въ виду постоянной опасности, онъ отвѣчалъ съ чарующей простотой и откровенностью:

„Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящій день, какъ на послѣдній въ жизни и готовлюсь выполнить всѣ свои обязанности, устремляя уже взоры въ вѣчность. А вечеромъ, когда опять возвращаюсь въ свою комнату, то благодарю Бога за лишній дарованный мнѣ въ жизни день. Это единственное слѣдствіе моего постояннаго сознанія о близости смерти, какъ расплаты за свои убѣжденія. Порою, однако, я ясно чувствую, что долженъ наступить день, когда замыселъ убійцы

наконецъ удастся. Таково было естественное, но роковое предвидѣніе.

Наступили дни второй Думы. Депутаты второго призыва съ перваго же засѣданія буйными выступленіями, по примѣру своихъ предшественниковъ, показали, что они собрались не работать надъ постепеннымъ введеніемъ реформъ на пользу настоятельныхъ нуждъ населенія, а для новыхъ попытокъ вырвать власть изъ рукъ правительства русскаго Государя и внести еще большую смуту въ народную среду. Но передъ этой бурной Думой всталъ во весь ростъ вѣрный слуга Царя и родины П. А. Столыпинъ.

„Съ первыхъ словъ его“, говорилъ на одномъ вечерѣ въ память погибшаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ, графъ В. А. Бобринскій, вспоминая эту минуту: „всѣ притаили дыханіе, и всѣ, немногіе друзья и многочисленные враги, одинаково внимали его ясной, мужественной, а главное искренней рѣчи. Но не одни члены законодательныхъ палатъ слушали этого лучшаго оратора нашего. Онъ говорилъ не къ Думѣ только, а къ Россіи, и его слушала вся мыслящая Россія“.

Если выступая въ первой Думѣ въ своихъ рѣчахъ, какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Столыпинъ намѣтилъ только нѣкоторыя вѣхи правительственной дѣятельности, то во вторую онъ явился уже съ подробной, строго продуманной и вполнѣ реальной программой. Призывая Думу къ совмѣстной работѣ съ правительствомъ и говоря о системѣ защиты правительственныхъ законопроектовъ, онъ заявлялъ о готовности правительства относиться съ полнымъ вниманіемъ къ тѣмъ мыслямъ, которыя будутъ противополагаться мысли правительственнаго законопроекта, и добросовѣстно рѣшать, совмѣстимы ли они съ благомъ государства, съ его укрѣпленіемъ и величіемъ; въ то же время онъ признавалъ необходимымъ учитывать всѣ интересы, вносить всѣ измѣненія, требуемыя жизнью и, если это будетъ нужно, подвергать законопроекты переработкѣ согласно выяснившейся

во время обсужденія жизненной правдѣ. Основная мысль всѣхъ предлагаемыхъ на обсужденіе Думы законопроектовъ, а равно и мысль, которую правительство будетъ проводить во всей своей послѣдующей дѣятельности, говорилъ онъ,—„это мысль создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое; для этого правительство должно разработать цѣлый рядъ законопроектовъ: о свободѣ вѣроисповѣданій, о неприкосновенности личности, объ общественномъ самоуправленіи, о губернскихъ органахъ управленія, о преобразованіи суда, о гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ и о поднятіи народнаго образованія". Но какъ на главнѣйшую задачу правительства, онъ указалъ на заботу о крестьянствѣ. „Эта задача громаднаго значенія, и первая, которую надо разрѣшить: необходимо содѣйствовать экономическому возрожденію крестьянства, которое ко времени окончательнаго освобожденія отъ обособленнаго положенія въ государствѣ, вступаетъ на арену общей борьбы за существованіе экономически слабымъ и неспособнымъ обезпечить себѣ земледѣльческимъ промысломъ безбѣдное существованіе". Задача эта была такъ спѣшна, и требовала такъ настоятельно разрѣшенія, что правительство приступило къ осуществленію ея, не дожидаясь второй Думы. Правительство не могло медлить мѣрами, могущими предупредить совершенное разстройство самой многочисленной части населенія Россіи. Къ тому же, на правительствѣ, рѣшившемся не допускать даже попытокъ крестьянскихъ насилій и безпорядковъ, лежало нравственное обязательство указать крестьянамъ и законный выходъ изъ нужды. Закончилъ свое сообщеніе, такъ называемую „декларацію", содержаніе которой мы передали вкратцѣ, П. А. Столыпинъ слѣдующими словами: „Я не выполнилъ бы своей задачи, если бы не выразилъ увѣренности, что лишь обдуманное и твердое проведеніе

въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ успокоенію и къ возрожденію великой нашей родины. Правительство готово въ этомъ направленіи приложить величайшія усилія. Его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ, предоставляются въ распоряженіе Государственной Думы, которая встрѣтитъ, въ качествѣ сотрудника, правительство, сознающее свой долгъ хранить историческіе завѣты Россіи и возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе—т. е., правительство стойкое и чисто русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества".

На эту продуманную программу, на этотъ спокойный и искренній призывъ къ творческой работѣ, сдѣлана была тѣмъ не менѣе попытка буйнымъ выступленіемъ крайнихъ лѣвыхъ подорвать авторитетъ правительства. Вотъ тогда то послышались знаменитыя, ставшія теперь историческими, слова П. А. Столыпина:

„Господа, заговорилъ онъ громко и съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, и въ голосѣ его послышалась твердость и глубокая искренность: „я не предполагалъ выступать вторично передъ Государственной Думой; но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляетъ меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ Государственной Думѣ, будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы. Я имъ пользоваться не буду.

„Возвращаюсь къ законности. Я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каждомъ случаѣ, не соотвѣтствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявить; это его долгъ передъ Думой и страной. Въ настоящее время я утверждаю, что Государственной Думѣ волею

Монарха не дано права выраженія правительству неодобренія, порицанія или недовѣрія. Это не значитъ, что правительство бѣжитъ отъ отвѣтственности. Безуміемъ было бы предполагать, что люди, которымъ вручена была власть во время великаго историческаго перелома, во время неустройства всѣхъ законодательныхъ государственныхъ устоевъ, чтобы люди, сознающіе всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали тяжести взятой на себя отвѣтственности. Но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, отъ царской резиденціи, волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась въ Польшѣ и на Кавказѣ, когда остановилась вся дѣятельность въ южномъ промышленномъ районѣ, когда распространялись крестьянскіе безпорядки, когда началъ царить ужасъ и терроръ, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забыть, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа,—или дѣйствовать и отстоять то, что было ею сдѣлано. Но, господа, принимая второе рѣшеніе, правительство роковымъ образомъ навлекло на себя и обвиненія. Ударяя по революціи, правительство несомнѣнно не могло не задѣть частныхъ интересовъ. Въ то время правительство задалось цѣлью—сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, начала которыхъ были положены въ основу реформъ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами и въ исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу. Я долженъ заявить, и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія, что тутъ, волею Монарха, нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, что эти скамьи (показываетъ на мѣста министровъ)—не скамьи подсудимыхъ—это мѣсто правительства.

„За наши дѣйствія въ эту историческую минуту, дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно также, какъ и всѣ, да-

димъ отчетъ передъ исторіей. Я убѣжденъ, что та часть Государственной Думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ,—сумѣетъ провести тутъ взгляды свои, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе, я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого либо неустройства, какихъ либо злоупотребленій.

„Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центръ тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе; эти нападки расчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли, и мысли. Всѣ они сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: „руки вверхъ“. На эти слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты, можетъ отвѣтить только двумя словами: „не запугаете“:

Послѣднія слова приведенной рѣчи П. А. Столыпина „не запугаете“ прозвучали ясно и твердо, установили его неуклонно боевое отношеніе къ революціи. Слова эти имѣли особенно сильное значеніе, такъ какъ были произнесены тѣмъ человѣкомъ, дѣти котораго еще недавно были искалѣчены ужаснымъ взрывомъ, въ то время, когда раскрывались новыя и новыя покушенія на его собственную жизнь, и когда вокругъ совершались убійства его сотрудниковъ. Это былъ могучій отвѣтъ темнымъ силамъ активной революціи, и великое предостереженіе возлагавшимъ на нихъ свои надежды, такъ называемымъ, мирнымъ лѣвымъ партіямъ. „Столыпинъ говорилъ“, писалъ Е. Н. Тру-

бецкой: „какъ власть имѣющій, какъ человѣкъ, сознающій свою силу. Напротивъ, оппозиціи недоставало увѣренности въ себѣ. соціалъ-демократы потерпѣли полное пораженіе въ своихъ отдѣльныхъ выступленіяхъ. Что же касается молчанія кадетовъ и другихъ лѣвыхъ группъ, то оно также не было побѣдоноснымъ... Вся русская оппозиція въ этотъ день почувствовала себя парализованною".

Если вдохновенная рѣчь Столыпина такъ смутила лѣвыя думскія группы, работавшія вмѣстѣ съ врагами русской государственности, то для всѣхъ, честно любящихъ Россію и желающихъ ей славы, величія, цѣльности и истиннаго блага для всего русскаго народа, для всѣхъ гражданъ земли русской, она явилась ободряющимъ призывомъ. Дѣятелямъ, еще не потерявшимъ энергіи, она влила новыя силы; слабыхъ и малодушествующихъ она ободрила, обнадежила,—и объединила всѣхъ на общую борьбу за честь и благо родины.

Эта рѣчь дала Столыпину сразу значеніе того оплота силы, власти и законности, который до того какъ бы отсутствовалъ. Всѣ почувствовали, что наступилъ конецъ параличному состоянію правительства, что власти возвращается ея отвѣтственность, что она готова безъ страха дать отпоръ внутреннимъ врагамъ и продолжать безтрепетно работу по обновленію государственной жизни.

Столыпинъ совершилъ и другое чудо. Выступивъ смѣло и искренно съ своими дѣйствительными убѣжденіями и со своей несомнѣнной для всѣхъ любовью къ Россіи противъ волны революціи, онъ заставилъ громадное большинство думскихъ дѣятелей и русскаго общества повѣрить и даже „какъ-то противъ воли признать", что искренность и честность не на сторонѣ революціи и пресловутыхъ лѣвыхъ, которые, издавна приписывая эти качества себѣ только однимъ забрасывали грязью правительство и его дѣятелей. Онъ сдѣлалъ то, что еще недавно казалось невозможнымъ. Правительству, до того времени во всемъ подозрѣваемому и вѣчно гонимому, онъ вернулъ уваженіе и обаяніе силы и

правды. Онъ заставилъ повѣрить, что старый порядокъ дѣйствительно умеръ, и для Россіи началась новая правовая жизнь и новый порядокъ, дарованный Государемъ, но развивающійся и возрастающій на почвѣ честной совмѣстной работы правительства и новыхъ законодательныхъ учрежденій.

Откуда же черпалъ Столыпинъ эту поражающую неустрашимость и эту богатырскую, все побѣждающую силу? Кровь предковъ громко говорила въ немъ и давала подъемъ и русское національное направленіе его убѣжденіямъ; но главныя силы онъ находилъ въ душѣ своей, а душа его была глубоко христіанская и глубоко русская; въ родникѣ вѣры и любви къ Родинѣ черпалъ онъ свое мужество. „Онъ такъ вѣрилъ въ Бога“,—говорили люди близко его знавшіе, „что дай Господи такъ вѣрить служителямъ алтаря“. Онъ такъ глубоко и горячо любилъ Россію, а въ дѣлѣ любви,—какъ говоритъ апостолъ и евангелистъ Іоаннъ,—„нѣсть страха“! И безстрашіе его вытекало изъ этого настроенія, которымъ онъ жилъ; зналъ же онъ одинъ только страхъ, это—страхъ Божій, поэтому то онъ и могъ такъ смѣло и безстрашно смотрѣть въ глаза опасности. Притягательной силой, присущей его личности, была равнымъ образомъ и его репутація удивительно трудолюбиваго и вполнѣ чистаго человѣка; на немъ не лежало ни одного грязнаго пятна—вещь рѣдкая и трудная для политическаго человѣка. Наконецъ, помогали ему и его исключительныя способности, а прежде всего его ораторскій талантъ. Послѣ первыхъ же рѣчей его еще въ первой Думѣ всѣ какъ то растерялись, до того неожиданнымъ показалось такое дарованіе у чиновника, у представителя правительства. Краснорѣчіе его не было только блестящимъ словоизверженіемъ передъ молчащей толпой, а оно рвалось навстрѣчу слушателямъ и привлекало ихъ умы и сердца. Историческое выступленіе его 6 марта 1906 года было особенно сильно и завоевало ему симпатіи многочисленныхъ думскихъ группъ. Среди членовъ Думы произошелъ расколъ и прежнее

единодушіе въ нападкахъ на правительство, которымъ от-
личались выступленія Думы перваго созыва исчезло и бо-
лѣе не возвращалось. Думская побѣда Столыпина встрѣ-
тила громадное сочувствіе въ широкихъ кругахъ русскаго
общества. Поздравленія, привѣтствія и адреса со многими
тысячами подписей, посылавшіеся къ нему со всѣхъ сто-
ронъ, еще болѣе вдохновляли его.

Большинство второй Думы оставалось, однако, все же
кадетски-революціоннымъ и руководствовалось въ своихъ
дѣйствіяхъ по прежнему не желаніемъ укрѣпить Россію и
улучшить ея строй, а явнымъ стремленіемъ увеличить смуту
и способствовать разложенію государства. Отъ намѣреній
правительства не могли не быть слишкомъ далеки тѣ люди,
среди которыхъ находился профессоръ Карѣевъ, желавшій
даже самое имя Россіи упразднить. Духъ вражды и пар-
тійности, охватывавшій Думу, мѣшалъ сплотиться доста-
точному числу членовъ, даже изъ тѣхъ, которые искренно
стремились работать на пользу родины. Обширныя мѣро-
пріятія, намѣченныя и подготовленныя правительствомъ,
оставались безъ разсмотрѣнія, замедлялись обсужденіемъ
или отвергались. При такихъ условіяхъ Столыпину при-
ходилось также тратить свои силы не столько на созида-
тельную работу, сколько на борьбу. Такъ, послѣдовательно
онъ выступалъ по разнымъ вопросамъ, и его рѣчи должны
были являться или отпоромъ противъ голословныхъ обви-
неній правительства, или же защитой отъ той „осады вла-
сти“, которую неуклонно вели представители лѣвыхъ пар-
тій. Выступленія его, однако, не оставались безплодными,
такъ какъ его слова разносились далеко за предѣлы стѣнъ
Таврическаго дворца. И это приносило свою пользу. С
каждой новой рѣчью, по какому бы поводу она ни была
сказана, Столыпинъ вносилъ въ народное самосознаніе
новыя и новыя черты національнаго русскаго государствен-
наго міросозерцанія.

Когда, желая вырвать у правительства орудіе борьбы
съ революціей, Дума возбудила вопросъ объ отмѣнѣ

временнаго закона о военно-полевыхъ судахъ, Столыпинъ, послѣ рѣчи депутата Маклакова, обратился къ возбужденной думской аудиторіи съ такими словами: „Трудно возражать тонкому юристу, талантливо указывающему на отрицательныя стороны военно-полевыхъ судовъ, какъ судебнаго органа“, говорилъ онъ. „Но, господа, государство должно мыслить иначе; оно должно становиться на другую точку зрѣнія, и въ этомъ отношеніи мое убѣжденіе неизмѣнно. Государство можетъ, государство обязано, когда оно находится въ опасности, принимать самые строгіе, самые исключительные законы, чтобы оградить себя отъ распада. Это было, это есть, это будетъ всегда и неизмѣнно. Этотъ принципъ въ природѣ человѣка, онъ въ природѣ самаго государства. Когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человѣкъ боленъ, его организмъ лѣчатъ, отравляя ядомъ. Когда на васъ нападаетъ убійца, вы его убиваете. Этотъ порядокъ признается всѣми государствами. Нѣтъ законодательства, которое не давало бы права правительству пріостанавливать теченіе закона, когда государственный организмъ потрясенъ до корней, которое не давало бы ему полномочія пріостанавливать всѣ нормы права. Это состояніе необходимой обороны: оно доводило государства не только до усиленныхъ репрессій, не только до примѣненія различныхъ репрессій къ различнымъ лицамъ и къ различнымъ категоріямъ людей,—оно доводило государство до подчиненія всѣхъ одной волѣ, произволу одного человѣка,—оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство изъ опасности и приводила къ спасенію. Бываютъ роковые моменты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права и когда надлежитъ выбирать между цѣлостью теоріи и цѣлостью отечества“. Указывая на антигосударственныя цѣли, преслѣдуемыя революціей, и на остроту минуты, Столыпинъ говорилъ далѣе: „Правительство пришло къ заключенію, что страна ждетъ отъ него не оказатель-

ства слабости, а оказательства вѣры. Мы хотимъ вѣрить, мы должны вѣрить, что отъ васъ, господа, мы услышимъ слова умиротворенія, что вы прекратите кровавое безуміе. Мы вѣримъ, что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, устройство его и украшеніе.

„Въ ожиданіи этого слова“,—говорилъ онъ далѣе, „правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ, чтобы, когда Дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ самъ собою,—путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія“. „Господа“, закончилъ свою рѣчь Столыпинъ: „въ вашихъ рукахъ успокоеніе Россіи, которая, конечно, съумѣетъ отличить кровь, о которой такъ много здѣсь говорилось, кровь на рукахъ палачей, отъ крови на „рукахъ добросовѣстныхъ врачей, принимающихъ самыя чрезвычайныя можетъ быть мѣры съ однимъ только упованіемъ, съ одной надеждой, съ одной вѣрой—исцѣлить больного“. Но мольба Столыпина не была услышана. Слово, которое онъ просилъ,—слово осужденія Думой террора,—не было сказано.

Знакомясь по стенографическимъ отчетамъ съ тѣми преніями, которыя велись въ аграрной комиссіи Государственной Думы, куда представители исполнительной власти не приглашались, и видя, что тамъ намѣчаются принципіальныя рѣшенія, и при томъ самыхъ крайнихъ, непріемлемыхъ направленій, Столыпинъ счелъ себя обязаннымъ выступить съ декларацією правительства по этому вопросу.

Останавливаясь на предложеніяхъ лѣвыхъ, онъ съ цифрами въ рукахъ доказалъ все безуміе этихъ проектовъ и останавливаясь на правѣ собственности, совершенно уничтожавшемся этими проектами, онъ говорилъ, что при осуществленіи ихъ „все будетъ сравнено, но приравнять всѣхъ можно только къ низшему уровню. Нельзя человѣка лѣниваго приравнять къ человѣку трудолюбивому;

нельзя человѣка тупоумнаго приравнять къ трудоспособному". „Конечно",—говорилъ онъ, „такое новое устройство возможно только путемъ соціальной революціи, путемъ разрушенія существующей государственности, причемъ предлагаютъ намъ, среди другихъ сильныхъ и крѣпкихъ народовъ, превратить Россію въ развалины для того, чтобы на этихъ развалинахъ строить новое, невѣдомое намъ отечество. Я думаю, что на второмъ тысячелѣтіи своей жизни Россія не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшитъ свой укладъ, пойдетъ впередъ, но путемъ разложенія не пойдетъ, потому что гдѣ разложеніе,—тамъ смерть".

Останавливаясь на другомъ аграрномъ проектѣ — на проектѣ партіи народной свободы, т. е. нынѣшнихъ кадетъ, онъ признавалъ его еще менѣе осуществимымъ, совершенно не соотвѣтствующимъ истинному благу народному, но менѣе искреннимъ, чѣмъ проектъ лѣвыхъ. „Принципъ принудительнаго отчужденія еще менѣе можетъ обезпечить населеніе, а въ то же время указываетъ на дурной способъ осуществленія, и толкаетъ на ложный путь. Этотъ способъ, этотъ путь—это путь насилія"... Указывая на то, что опасность новыхъ насилій и новыхъ бѣдъ въ деревнѣ возрастаетъ, почему можно предвидѣть новыя попытки пріобрѣтенія земли силою и насиліемъ, онъ говорилъ, что правительству приходится считаться съ двумя направленіями: съ одной стороны, оно встрѣчаетъ—„несомнѣнное желаніе, потребность, стремленіе широкихъ круговъ общества поставить работу въ государствѣ на правильныхъ законныхъ началахъ, и приступить къ правильному новому законодательству для улучшенія жизни страны", а съ другой, оно видитъ „желаніе усилить броженіе въ странѣ, бросить въ населеніе сѣмена смуты съ цѣлью возбужденія недовѣрія къ правительству, съ тѣмъ, чтобы подорвать его авторитетъ, для того, чтобы соединить воедино всѣ враждебныя правительству силы". Первому направленію правительство должно идти навстрѣчу, и должно быть на-

сторожѣ противъ второго. Переходя затѣмъ къ аграрной пропагандѣ среди населенія, которая уже велась тогда второй Думой, въ видѣ писемъ въ провинцію, и на зажигательныя слова, сказанныя съ думской каѳедры: „мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять“,—онъ заявлялъ, что есть грань воздѣйствій на населеніе, за которой они болѣе недопустимы. „Государство, конечно, переступить эту черту, этотъ предѣлъ не дозволитъ; иначе оно перестанетъ быть государствомъ и станетъ пособникомъ собственнаго своего разрушенія... „Насилія допущены не будутъ“, закончилъ онъ свою рѣчь. Излагая затѣмъ аграрную правительственную программу, онъ сказалъ: „Правительство желаетъ поднять крестьянское землевладѣніе; оно желаетъ видѣть крестьянина богатымъ, достаточнымъ, такъ какъ гдѣ достатокъ, тамъ, конечно, и просвѣщеніе, тамъ и настоящая свобода“. Онъ указывалъ равнымъ образомъ на то, что въ дѣлѣ земельнаго устройства крестьянъ „нуженъ упорный трудъ, нужна продолжительная черная работа. Разрѣшить этотъ вопросъ какъ-то сразу, внѣ законовъ, права и справедливости, какъ того требуютъ лѣвые, нельзя“. Резюмируя стремленія сторонниковъ быстраго, но беззаконнаго разрѣшенія земельнаго вопроса, онъ закончилъ свою рѣчь словами, ставшими историческими: „Имъ нужны великія потрясенія,—намъ нужна великая Россія“.

Тѣ, кому были нужны великія потрясенія, не дремали. Темныя силы продолжали свою подпольную работу, Уже черезъ нѣсколько дней послѣ только что приведенныхъ словъ Столыпина, въ Петербугѣ былъ раскрытъ новый ужасный заговоръ, и было арестовано 28 лицъ, составившихъ сообщество въ цѣляхъ совершенія цѣлаго ряда террористическихъ актовъ. Злоумышленники намѣтили своими жертвами тѣхъ, которыя были особенно дороги Россіи, и были особенно нужны ей для здороваго развитія ея жизни. Покушенія должны были быть направлены на Священную Особу Государя Императора и его первыхъ сотрудниковъ—Вели-

каго Князя Николая Николаевича и Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина. Въ виду невѣрныхъ слуховъ, проникшихъ въ Думу по поводу этого злоумышленія, Столыпину пришлось огласить въ ней правительственное сообщеніе по этому ужасному, но предупрежденному во время замыслу. Въ тотъ же день ему пришлось выступить и по другому вопросу. Онъ отвѣчалъ по запросу объ обыскѣ въ квартирѣ депутата Озоля. Полиціей были обнаружены сношенія квартиры Озоля съ военно-революціонной организаціей, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ. Петербургъ находился на положеніи усиленной охраны, а событія, въ немъ совершавшіяся, были чрезвычайны. Это было наканунѣ обнаруженія участія цѣлой группы членовъ Думы въ упомянутомъ революціонномъ сообществѣ. Обыскъ ничего не имѣлъ въ себѣ противозаконнаго, а достоинство депутатовъ въ дѣйствительности ничѣмъ не было затронуто. „Я долженъ заявить“,—сказалъ Столыпинъ, заканчивая свой отвѣтъ,—„что, кромѣ огражденія депутатской неприкосновенности, на насъ, носителяхъ власти, лежитъ еще другая отвѣтственность—огражденіе общественной безопасности. Этотъ долгъ мы сознаемъ и исполнимъ его до конца. Какъ начальникъ, какъ отвѣтственное лицо за дѣйствія полиціи, я считаю своей обязанностью предъ лицомъ всей Россіи сказать нѣсколько словъ въ ея защиту, и заявить, что если будутъ до нея доходить такіе слухи, и не только слухи, но вообще данныя, могущія имѣть серьезныя послѣдствія, за которыя правительство и администрація несутъ отвѣтственность, то она сумѣетъ поступить такъ же, какъ поступала, а судебное вѣдомство вспомнитъ свой долгъ и обнаружитъ виновныхъ“.

Это были твердыя и грозныя слова, но послѣдствія ихъ оправдали, и они, безъ сомнѣнія, пробудили зловѣщія предчувствія въ сердцахъ тѣхъ депутатовъ второй Думы которые были активными участниками заговора, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе всего государственнаго порядка.

Смутно, должно быть, почувствовали себя и сочувствующія имъ, такъ называемыя, мирныя группы,

Заговоръ, въ которомъ приняли участіе 55 депутатовъ, былъ обнаруженъ, и перваго іюня Столыпинъ выступилъ въ послѣдній разъ въ закрытомъ засѣданіи передъ депутатами второго призыва. Сообщая имъ объ раскрытомъ въ связи съ обыскомъ въ квартирѣ депутата Озоля революціонномъ сообществѣ, въ составъ котораго входили нѣкоторые члены Государственной Думы, и о томъ, что поэтому представляется необходимымъ принятіе мѣръ къ обезпеченію правильнаго хода правосудія, для чего требуется разрѣшеніе Думы на привлеченіе нѣсколькихъ ея членовъ въ качествѣ обвиняемыхъ, онъ присовокупилъ что всякое промедленіе со стороны Думы въ разрѣшеніи предъявленныхъ къ ней требованій или неполное ихъ удовлетвореніе поставитъ въ невозможность дальнѣйшее обезпеченіе спокойствія и порядка въ государствѣ. Дума исполненіемъ требованія не спѣшила, и 3 іюня послѣдовалъ ея роспускъ. При всемъ желаніи работать съ народными представителями второго созыва, правительство не могло этого достигнуть. Законопроекты его оставались безъ движенія въ комиссіяхъ, или вовсе не подвергались разсмотрѣнію. Уклонившись отъ осужденія революціонныхъ и аграрныхъ убійствъ и насилій, Дума второго созыва отклонила равнымъ образомъ и законъ, каравшій открытое восхваленіе преступленій, и законъ, о сугубомъ наказаніи для дѣятелей смуты въ войскахъ. Крайняя медленность въ разсмотрѣніи государственной росписи, вызывала затрудненія въ удовлетвореніи многихъ настоятельныхъ народныхъ нуждъ. Право запросовъ Дума обратила исключительно въ способъ борьбы съ правительствомъ и въ орудіе для насажденія недовѣрія и смуты въ средѣ населенія. Наконецъ свершилось дѣяніе неслыханное, былъ раскрытъ, какъ сказано выше, судебной властью заговоръ цѣлой части Государственной Думы противъ государства и Царской власти.

Большинство народныхъ представителей въ Государственной Думѣ второго призыва, также впрочемъ, какъ это было и въ первой, оказалось или прямо революціоннымъ, или враждебнымъ національно-русскому направленію политики правительства, или состояло изъ инородцевъ, чуждыхъ вообще русской культурѣ и русской государственности. Духъ вражды, внесенный этими группами, мѣшалъ сплотиться и тому числу членовъ Думы, которые желали бы работать на пользу родины. Правительство не могло вѣрить, чтобы русская земля могла сознательно прислать такой враждебный благу родины составъ представителей; оно не могло признать большинство изъ нихъ дѣйствительными выразителями нуждъ и желаній народныхъ. Очевидно, что, съ одной стороны, населеніе было введено въ заблужденіе, а, съ другой, самый выборный законъ оказался крайне несовершеннымъ,—прямо непригоднымъ. Революціонные дѣятели, чуждые деревнѣ по міросозерцанію своему, явились въ значительномъ числѣ представителями крестьянства, очевидно было, что избиратели могли подать за нихъ свои голоса лишь въ ожиданіи несбыточныхъ посуловъ „землицы“, отнятой путемъ насилія. Массу враговъ исторической государственности далъ чрезмѣрный наплывъ представителей инородческихъ окраинъ, которые, такимъ образомъ, являлись не защитниками своихъ мѣстныхъ нуждъ, а, въ противорѣчіе здравому смыслу, вершителями чисто русскихъ вопросовъ. Измѣненія въ порядкѣ выборовъ, которыя являлись настоятельно необходимыми, не могли быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ, черезъ ту Государственную Думу, неудовлетворительный составъ которой вызвалъ самую необходимость этихъ измѣненій. Вносить въ нее законъ, было бы все равно, что ввести его въ заколдованный кругъ безъ выхода. Имѣлся, однако, другой путь. Та власть, которая даровала первый избирательный законъ, историческая самодержавная власть Русскаго Царя, могла одна въ эту минуту критическаго перелома, переживаемаго русской государствен-

ностью, спасти дѣло порядка и правды. Высочайшій манифестъ отъ 3 іюня, объявившій о роспускѣ второго состава Государственной Думы, въ тоже время объявилъ и о дарованномъ Царемъ новомъ избирательномъ законѣ.

„Отъ Господа Бога вручена Намъ власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Предъ престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы державы Россійской. Въ сознаніи этомъ черпаемъ Мы твердую рѣшимость довести до конца начатое Нами великое дѣло преобразованія Россіи и Даруемъ ей новый избирательный законъ, обнародовать который, Повелѣваемъ Правительствующему Сенату“, — этими величественными словами заканчивался Царскій манифестъ о роспускѣ второй Думы.

Измѣненный по иниціативѣ Столыпина избирательный законъ, создалъ большую отвѣтственность депутатовъ передъ избирателями, а потому сдѣлалъ выборы болѣе сознательными; въ то же время онъ устранилъ опасность переполненія Думы инородцами, сокративъ ихъ число. Введеніемъ этого закона, Столыпинъ сдѣлалъ великій шагъ впередъ на пути созиданія новаго строя русской жизни; онъ привелъ Россію къ Думѣ работоспособной, при содѣйствіи которой удалось, наконецъ, стать на прочную почву законодательныхъ работъ.

Группировка партій въ Думѣ третьяго созыва совершенно измѣнилась. Кадеты, эта плѣненная инородцами, а потому вѣчно враждебная правительству и его національно-русской политикѣ партія, составлявшая центръ въ двухъ предшествовавшихъ Думахъ, въ третьей Думѣ должна была уступить центральное мѣсто октябристамъ и отодвинуться въ лѣво къ немногочисленнымъ и безнадежно слабымъ по дарованіямъ крайнимъ лѣвымъ; такимъ образомъ, оппозиція оказалась въ меньшинствѣ, и правительство могло надѣяться найти опору въ своихъ національныхъ и мирно прогрессивныхъ стремленіяхъ въ представителяхъ центра и правыхъ группахъ Думы.

Съ первыхъ же дней дѣятельности третьей Думы, стало болѣе или менѣе возможнымъ судить о получившемся соотношеніи силъ, а равно, на основаніи свѣдѣній о начавшихся преніяхъ, получилась возможность судить о важнѣйшихъ принципіальныхъ вопросахъ, которые требуютъ немедленнаго разъясненія и могутъ быть включены въ обычное оффиціальное сообщеніе правительства (декларацію) новой Думѣ. Прежде всего, видимо, требовалъ разъясненій вопросъ,—возбуждавшій въ Думѣ безплодныя пренія,—вопросъ о современномъ государственномъ строѣ въ Россіи. И выступленіе Столыпина было намѣчено. 16 ноября 1907 года, при полномъ составѣ всѣхъ депутатовъ, въ залѣ, переполненномъ публикой, на ораторской трибунѣ появился П. А. Столыпинъ. Голосъ его звучалъ громко, отчетливо и ясно. На этотъ разъ сообщеніе было болѣе краткое, чѣмъ это было при первомъ его выступленіи во второй Думѣ, но были даны отвѣты на самые серьезные вопросы русской жизни.

Та часть оффиціальнаго сообщенія правительства, въ которой излагается положительная программа министерства, кратко и ясно излагаетъ тѣ же пункты предстоящихъ законодательныхъ работъ, которые были уже изложены передъ второй Думой; только нѣкоторые изъ пунктовъ рѣзче подчеркнуты, и въ особенности, по вопросу о неприкосновенности частной собственности. Сходство сообщенія въ этой части было вполнѣ естественно, такъ какъ, за малыми исключеніями, въ третью Думу вносились тѣ же законопроекты, которые были внесены и во вторую. Когда Столыпинымъ затрогивались наиболѣе серьезные и важные вопросы русской жизни, давались отвѣты на нихъ съ обычнымъ его краснорѣчіемъ,—громадное большинство Государственной Думы прерывало его слова горячими и громкими апплодисментами. Первый громъ такихъ апплодисментовъ раздался тогда, когда онъ говорилъ о томъ, что разрушительное движеніе перешло въ открытое разбойни-

чество, и указалъ на его развращающее вліяніе на мол
дежь. Онъ говорилъ:

„Для всѣхъ теперь стало очевиднымъ, что разрушител
ное движеніе, созданное крайними лѣвыми партіями, пр
вратилось въ открытое разбойничество и выдвинуло в
редъ всѣ противообщественные преступные элементы, р
зоряя честныхъ тружениковъ и развращая молодое п
колѣніе.

„Противопоставить этому явленію можно только си
Какія-либо послабленія въ этой области, правительст
сочло бы за преступленіе, такъ какъ дерзости враговъ о
щества возможно положить конецъ лишь послѣдовател
нымъ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ средствъ защиты.

„Для этого", продолжалъ онъ, „Правительству необх
димо имѣть въ своемъ распоряженіи, въ качествѣ ору
власти, должностныхъ лицъ, связанныхъ чувствомъ дол
и государственной отвѣтственности. Поэтому, проведен
ими личныхъ политическихъ взглядовъ и впредь буде
считать, несовмѣстимымъ съ государственною службою.

„Начала порядка законности и внутренней дисципли
должны быть внѣдрены и въ школѣ, и новый строй
конечно, не можетъ препятствовать правительству пред
являть соотвѣтственныя требованія къ педагогическому
персоналу".

Сознавая настоятельность возвращенія Государства о
положенія законовъ исключительныхъ къ обыденному п
рядку, правительство рѣшило всѣми мѣрами укрѣпить
странѣ возможность быстраго и правильнаго судебна
возмездія.

„Оно пойдетъ къ этому путемъ созидательнымъ, твер
вѣря, что, благодаря чувству государственности и близо
къ жизни русскаго судебнаго сословія, правительство
будетъ доведено смутою до необходимости послѣдова
примѣру одного изъ передовыхъ западныхъ государс
и предложить законодательнымъ собраніямъ законопроек
о временной пріостановкѣ судебной несмѣняемости".

Весь центръ, правыя, въ особенности же священники и крестьяне, горячо рукоплескали, когда онъ говорилъ затѣмъ о необходимости въ первую же очередь поднять благосостояніе и культурность основного земледѣльческаго класса, о свободномъ выходѣ изъ общества, о народномъ образованіи и о надѣленіи крестьянъ землею.

„Руководящею его идеею былъ всегда вопросъ землеустройства"—говорилъ онъ по этому поводу—„не безпорядочная раздача земель, не успокоеніе бунта подачками,—бунтъ погашается силою,—а признаніе неприкосновенности частной собственности и, какъ послѣдствіе, отсюда вытекающіе, созданіе мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшеннаго землепользованія,—вотъ задачи, осуществленіе которыхъ правительство считало и считаетъ вопросами бытія русской Державы.

„Но задачи правительства осуществляются дѣйствіемъ", сказалъ онъ, переходя къ сообщенію о проведенныхъ въ порядкѣ ст. 87 Законовъ Основныхъ мѣропріятій.

Закончилъ онъ сообщеніе правительства словами объ исторической Самодержавной Власти, о свободной волѣ ея въ минуты государственной опасности дѣйствовать на благо родины.

„Проявленіе Царской власти", сказалъ онъ, „во всѣ времена показывало также воочію народу, что историческая самодержавая власть и свободная воля Монарха являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта власть и эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана, въ минуты потрясеній и опасности для Государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды". Бурные апплодисменты и одобрительные крики сопровождали и заключили эту рѣчь. Отвѣчать на это сообщеніе правительства выступали представители всѣхъ думскихъ фракцій. Во время рѣчи депутата Макла-

кова, Столыпинъ подалъ записку о своемъ желаніи вно
говорить.

Это не была обычная рѣчь перваго министра, э
былъ горячій, страстный призывъ человѣка, глубоко в
рующаго въ будущее Россіи. Вотъ эта рѣчь безъ сокр
щеній; они невозможны, такъ содержательна она и та
цѣнно въ ней каждое слово.

„Господа члены Государственной Думы, слушая р
дававшіяся тутъ нареканія и обвиненія противъ правите
ства, я спрашивалъ себя: долженъ ли я, глава правите
ства, идти по пути словеснаго спора, слововеснаго поединка
давать только пищу новымъ рѣчамъ въ то время, какъ стра
съ напряженнымъ вниманіемъ и вымученнымъ нетер
ніемъ ждетъ отъ насъ сѣрой повседневной работы, скр
тый блескъ которой можетъ обнаружиться только сов
менемъ. И, конечно, не для пустого спора, не изъ боязни то
что Правительство назовутъ безотвѣтнымъ такъ же, ка
понапрасну называли его въ прошлой Думѣ безотвѣтств
нымъ, выступаю я съ разъясненіемъ, но для того, чтобы в
вторно и сугубо выяснить, въ чемъ именно Правительс
будетъ черпать руководящія начала своей дѣятельности, к
оно идетъ и куда ведетъ страну. Только то правительств
имѣетъ право на существованіе, которое обладаетъ зрѣл
государственною мыслью и твердою государственною в
лею. Мысль Правительства, опредѣленно выраженная
прочитанномъ мною заявленіи отъ имени Правительст
несомнѣнно затемнѣна послѣдующими рѣчами; вслѣдст
этого, я и попросилъ слова. Я обойду мимо тѣ попр
которые тутъ раздавались слѣва относительно акта 3 ию
Не мнѣ, конечно, защищать право Государя спасать
минуты опасности ввѣренную ему Богомъ Державу. Я
буду отвѣчать и на то обвиненіе, что мы живемъ въ
кой-то восточной деспотіи. Мнѣ кажется, что я уже я
отъ имени Правительства, указалъ, что строй, въ котор
мы живемъ, это строй представительный, дарованный
модержавнымъ Монархомъ и, слѣдовательно, обязатель

для всѣхъ его вѣрноподданныхъ. Но я не могу, господа, не остановиться на нареканіяхъ третьяго характера, на обвиненіяхъ въ томъ, что Правительство стремится создать въ Россіи какое-то полицейское благополучіе, что оно стремится сжать весь народъ въ тискахъ какого-то произвола и насилія. Это не такъ. Относительно того, что говорилось тутъ представителемъ Царства Польскаго, я скажу послѣдствіи. Покуда же скажу нѣсколько словъ о двухъ упрекахъ, слышанныхъ мною отъ послѣдняго оратора: о томъ, что говорилось тутъ о судебной несмѣняемости, и о томъ, что я слышалъ о политической дѣятельности служащихъ. То, что сказано было относительно несмѣняемости судей, принято было тутъ за угрозу. Мнѣ кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мнѣ кажется, что для всѣхъ, прибывшихъ сюда со всѣхъ сторонъ Россіи, ясно, что при теперешнемъ кризисѣ, который переживаетъ Россія, судебный аппаратъ—иногда аппаратъ слишкомъ тяжеловѣсный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имѣетъ несомнѣнно и политическій характеръ. Вспомните политическія убійства, которыя такъ краснорѣчиво были описаны, кутутъ Г. Розановымъ, нарисовавшимъ намъ картину убійства всѣхъ свидѣтелей до послѣдняго, до шестилѣтней дѣвочки исключительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесенія обвинительнаго приговора. Нечего говорить о томъ, что судъ, дѣйствительно, можетъ находиться и самъ подъ вліяніемъ угрозъ и, при политическомъ гипнозѣ, онъ можетъ иногда дѣйствовать и не сознательно. Не съ угрозой, господа, не съ угрозой мы шли сюда, а съ открытымъ забраломъ заявили, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣстахъ стоятъ люди недостаточно твердые, когда дѣло идетъ о спасеніи родины, приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не входятъ въ обиходъ нормальной. Я упомянулъ тогда объ одной изъ передовыхъ странъ—страна эта Франція, гдѣ несмѣняемость судей была временно пріостановлена; этому насъ учитъ исторія; вѣдь это фактъ. Тутъ говорили о политической

дѣятельности служащихъ, говорили о томъ, что нужна безпартійность, что нельзя вносить партійность въ эту дѣятельность. Я скажу, что Правительство, сильное правительство, должно на мѣстахъ имѣть исполнителей испытанныхъ, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершитъ ни одной работы не только репрессивной, но и созидательной, если не будетъ имѣть въ своихъ рукахъ совершеннаго аппарата исполнительной власти.

Затѣмъ перейду къ дальнѣйшему. Насъ тутъ упрекали въ томъ, что Правительство желаетъ въ настоящее время обратить всю свою дѣятельность исключительно на репрессіи, что оно не желаетъ заняться работой созидательной, что оно не желаетъ подложить фундаментъ права,—то правовое основаніе, въ которомъ, несомнѣнно, нуждается въ моменты созиданія каждое государство, и тѣмъ болѣе въ настоящую историческую минуту Россія. Мнѣ кажется, что мысль Правительства иная. Правительство, наряду съ подавленіемъ революціи, задалось задачей поднять населеніе до возможности на дѣлѣ, въ дѣйствительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянинъ бѣденъ, пока онъ не обладаетъ личной земельной собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины, онъ останется рабомъ, и никакой писанный законъ не дастъ ему блага гражданской свободы. Для того, чтобы воспользоваться этими благами, вѣдь, нужна, извѣстная, хотя бы самая малая, доля самостоятельности. Мнѣ, господа, вспомнились слова нашего великаго писателя Достоевскаго, что „деньги—это чеканенная свобода“. Поэтому Правительство не могло не идти навстрѣчу, не могло не дать удовлетворенія тому врожденному у каждаго человѣка, а слѣдовательно поэтому и у нашего крестьянина,—чувству личной собственности, стольже естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода, какъ всякое другое природное свойство человѣка. Вотъ почему раньше всего и прежде всего Правительство облегчаетъ крестьянамъ переустройство ихъ

хозяйственнаго быта и улучшеніе его, желаетъ изъ совокупности надѣльныхъ земель и земель, пріобрѣтенныхъ въ правительственный фондъ, создать источникъ личной собственности. Мелкій земельный собственникъ, несомнѣнно, явится ядромъ будущей мелкой земской единицы; онъ, трудолюбивый, обладающій чувствомъ собственнаго достоинства, внесетъ въ деревню и культуру, и просвѣщеніе, и достатокъ. Вотъ тогда только писанная свобода превратится и претворится въ свободу настоящую, которая, конечно, слагается изъ гражданскихъ вольностей и чувства государственности и патріотизма. При этихъ условіяхъ будетъ имѣть успѣхъ идея мѣстнаго суда, будетъ имѣть успѣхъ и идея суда административнаго, который необходимъ, какъ основа всякаго успѣха въ мѣстномъ управленіи. Тутъ говорилось о децентрализаціи. Представитель Царства Польскаго говорилъ о необходимости для Правительства, особенно въ теперешнюю минуту, черпать силу не въ бюрократической централизаціи, а въ томъ, чтобы привлечь мѣстныя силы къ самоуправленію съ тѣмъ, чтобы они заполнили тотъ пробѣлъ, который неизбѣжно окажется центральной власти, опирающейся только на бюрократію. Прежде всего скажу, что противъ этого Правительство возражать не будетъ. Но долженъ заявить, что та сила самоуправленія, на которую будетъ опираться Правительство, должна быть всегда силой національной. Намъ говорилось томъ, что въ 1828 году въ Царствѣ Польскомъ пропорціонально было больше школъ, чѣмъ въ 1900 году. Я на то отвѣчу слѣдующее: теперь, можетъ быть, не только мало школъ, но тамъ нѣтъ даже высшаго учебнаго заведенія, и высшаго учебнаго заведенія тамъ нѣтъ потому, что граждане, которые только-что назвали себя „гражданами второго разряда“, не хотятъ пользоваться въ высшей школѣ общегосударственнымъ русскимъ языкомъ. Вотъ сплотитесь общенаціональнымъ цементомъ и тогда, господа, требуйте отъ насъ децентрализаціи. Децентрализація можетъ идти только отъ избытка силъ. Могущественная

Англія, конечно, даетъ всѣмъ составнымъ частямъ своего государства весьма широкія права, но это отъ избытка силъ; если же этой децентрализаціи требуютъ отъ насъ въ минуту слабости, когда ее хотятъ вырвать и вырвать вмѣстѣ съ такими корнями, которые должны связывать всю Имперію, вмѣстѣ съ тѣми нитями, которыя должны скрѣпить центръ съ окраинами, тогда, конечно, Правительство отвѣтитъ: нѣтъ. Станьте сначала на нашу точку зрѣнія, признайте, что высшее благо—это быть русскимъ гражданиномъ, носите это званіе такъ же высоко, какъ носили его когда-то римскіе граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами перваго разряда и получите всѣ права.

„Я хочу еще сказать, что всѣ тѣ реформы, все то, что только что Правительство предложило вашему вниманію,—вѣдь это не сочинено, мы ничего насильно, механически не хотимъ внѣдрять въ народное сознаніе,—все это глубоко національно. Какъ въ Россіи до Петра Великаго, такъ и въ послѣпетровской Россіи мѣстныя силы всегда несли служебныя государственныя повинности. Вѣдь сословія,—и тѣ—никогда не брали примѣра съ Запада, не боролись съ властью, а всегда служили ея цѣлямъ. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свои силы въ этихъ русскихъ національныхъ началахъ. Каковы онѣ? Въ развитіи земщины, въ развитіи, конечно, самоуправленія, передачѣ ему части государственныхъ обязанностей, государственнаго тягла,—и въ созданіи крѣпкихъ людей земли, которые были бы связаны съ государственной властью. Вотъ нашъ идеалъ мѣстнаго самоуправленія, такъ же какъ нашъ идеалъ наверху—это развитіе дарованнаго Государемъ странѣ законодательнаго, новаго представительнаго строя, который долженъ придать новую силу и новый блескъ Царской Верховной Власти. Вѣдь Верховная Власть является хранительницей идеи русскаго государства; она олицетворяетъ собой ея силу и цѣлость и если быть Россіи, то лишь при усиліи всѣхъ сыновъ ея

охранить, оберегать эту власть, сковавшую Россію и оберегавшую ее отъ распада.

„Самодержавіе московскихъ царей не походитъ на самодержавіе Петра, точно такъ же, какъ и самодержавіе Петра не походитъ на самодержавіе Екатерины II и Царя Освободителя. Вѣдь, русское государство росло, развивалось изъ своихъ собственныхъ, русскихъ корней, а вмѣстѣ съ ними, конечно, видоизмѣнялась и развивалась Верховная Царская Власть. Нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ. Пусть расцвѣтетъ нашъ родной, русскій цвѣтъ, пусть онъ расцвѣтетъ и развернется подъ вліяніемъ взаимодѣйствія Верховной Власти и дарованнаго ею новаго представительнаго строя. Вотъ, господа, зрѣло обдуманная правительственная мысль, которою воодушевлено правительство. Но, чтобы осуществить мысль, несомнѣнно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецѣло въ Правительствѣ. Но этого недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усиліе и съ другой стороны. Ихъ ждетъ Государь, ихъ ждетъ страна. Дайте же вашъ порывъ, дайте вашу волю въ сторону государственнаго строительства, не брезгайте черной работой вмѣстѣ съ Правительствомъ. Я буду просить позволенія не отвѣчать на другіе слышанные тутъ попреки. Мнѣ представляется, что когда путникъ направляетъ свой путь по звѣздамъ, онъ не долженъ отвлекаться встрѣчными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность дѣйствій правительства и его намѣреній. Я думаю, что, превращая Думу въ древній циркъ, въ зрѣлище для толпы, которая жаждетъ видѣть борцовъ, ищущихъ, въ свою очередь, соперниковъ для того, чтобы доказать ихъ ничтожество и безсиліе, я думаю, что я совершилъ бы ошибку. Правительство должно избѣгать лишнихъ словъ, но есть слова, выражающія чувства, отъ которыхъ въ теченіе столѣтій усиленно бились сердца русскихъ людей.

Эти чувства, эти слова должны быть осуществлены въ мысляхъ и отражаться въ дѣлахъ правителей. Слова эти: неуклонная приверженность къ русскимъ историческимъ началамъ. Это противовѣсъ безпочвенному соціализму, это желаніе, это страстное желаніе и обновить, и просвѣтить, и возвеличить родину, въ противность тѣмъ людямъ, которые хотятъ ея распада. Это, наконецъ, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россію. Вотъ, господа, все, что я хотѣлъ сказать. Сказалъ, что думалъ и какъ умѣлъ".

Когда онъ кончилъ, ему была сдѣлана депутатами настоящая овація; бурные апплодисменты наполнили и долго потрясали своды зала Таврическаго дворца.

Сочувствіе большинства декларації и только-что приведенной рѣчи П. А. Столыпина не помѣшало, однако, въ слѣдующемъ же засѣданіи разыграться скандальной сценѣ. Виновникомъ явился представитель новаго меньшинства,— кадетъ Родичевъ, который позволилъ себѣ безобразную выходку по отношенію къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ. Играя словами, онъ обозвалъ смертную казнь „столыпинскимъ воротникомъ". Выходка эта глубоко возмутила всю Думу. Громадное большинство ея выразило чувство свое бурными протестами. „Долой, вонъ, долой; не разстались со своимъ Выборгомъ"... „Два года не даютъ работать... опять скандалы..." раздавались крики, и слышались громче другихъ голоса крестьянъ. Депутатъ Родичевъ былъ исключенъ на 15 засѣданій. Взволнованный неожиданнымъ оскорбленіемъ, Предсѣдатель Совѣта Министровъ потребовалъ отъ г. Родичева удовлетворенія. Тревожное чувство охватило Думу, и только, когда стало извѣстно, что Родичевъ извинился, и что Петръ Аркадьевичъ простилъ его, депутаты успокоились. Глубокій протестъ противъ выходки кадетскаго депутата только еще болѣе подчеркнулъ уваженіе и сочувствіе большинства къ П. А. Столыпину. Отношенія установились прочно.

Это радостное явленіе было вскорѣ ознаменовано раутомъ у П. А. Столыпина, на которомъ, впервые, при торжественномъ оффиціальномъ праздникѣ, вмѣстѣ съ другими членами Думы, крестьяне-депутаты въ своихъ мѣстныхъ, областныхъ костюмахъ встрѣчались съ представителями высшей знати, съ иностранными дипломатами и высшими сановниками государства.

Государь особымъ рескриптомъ, отъ 1 января 1908 года, при пожалованіи П. А. Столыпину Монаршей милости—званія статсъ-секретаря, выразилъ ему свою сердечную признательность за его труды, причемъ въ числѣ его заслугъ было особенно отмѣчено—„возрастающее довѣріе населенія къ правительству, особенно наглядно проявившееся при выборахъ въ третью Государственную Думу, и многіе отрадные признаки несомнѣннаго успокоенія страны".

На данномъ въ апрѣлѣ 1908 года П. А. завтракѣ въ честь представителей земствъ и городовъ, а равно и на отвѣтномъ обѣдѣ со стороны земствъ и чиновъ министерствъ, тоже обнаружилось отрадное единеніе общественныхъ силъ съ правительствомъ. Наиболѣе тревожное время было Россіей пережито. Смута видимо кончилась. Ея мѣсто заняло твердое и увѣренное государственное существованіе. Наступили годы кропотливой, часто мѣшкотной, но плодотворной и созидательной работы.

Голосъ П. А. Столыпина продолжалъ возвышаться отъ времени до времени въ обѣихъ законодательныхъ палатахъ, въ особенности же въ Государственной Думѣ, но дальнѣйшія его выступленія вызывались уже не столько необходимостью установленія общегосударственныхъ задачъ и выясненіемъ направленія правительственной работы, сколько отдѣльными возникавшими вопросами, а иногда и необходимостью отвѣта на боевыя нападенія противниковъ. Но и въ этихъ отдѣльныхъ рѣчахъ, имѣющихъ главнымъ образомъ свой спеціальный и исчерпанный уже въ настоящее время интересъ, разбросаны отдѣльные живые штрихи, цѣнные для общаго русскаго государственнаго

самосознанія, а равно и перлы высокаго патріотическаго краснорѣчія, которые много содѣйствовали за эти годы подъему русскаго національнаго духа. Вотъ подмѣченные нами главнѣйшіе изъ этихъ штриховъ, которые еще болѣе вырисовываютъ духовный и политическій обликъ Столыпина и которые необходимо сберечь и сохранить какъ завѣты покойнаго.

Когда въ третьей Думѣ обсуждался законопроектъ объ ассигнованіяхъ на постройку Амурской желѣзной дороги, а ясная и безспорная потребность въ этой дорогѣ, побудившая правительство не только внести законопроектъ, но и начать приводить его въ исполненіе на основаніи статьи 87 Законовъ Основныхъ, стала подвергаться сомнѣнію, которое вызвало нападки на правительство, П. А. Столыпинъ, между прочимъ, говорилъ: „Я ничуть не хочу ослабить отвѣтственности правительства, но я надѣюсь доказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленіемъ предъ страной является не столько во-время принятая на себя отвѣтственность, сколько прикрытая боязнью отвѣтственности бездѣятельность“. Передъ тѣмъ, какъ приступить къ стратегическимъ соображеніямъ, онъ дѣлаетъ оговорку: „Несомнѣнно, мы должны быть сильны на нашемъ Дальнемъ Востокѣ не для борьбы, а для прикрытія нашей національной культурной работы, которая является и нашей исторической миссіей. Не забывайте“, заканчиваетъ онъ свою рѣчь по этому вопросу, „господа, что русскій народъ всегда сознавалъ, что онъ осѣлъ и окрѣпъ на грани двухъ частей свѣта, что онъ отразилъ монгольское нашествіе, и что ему дорогъ и любъ Востокъ. Это его сознаніе выражалось всегда и въ стремленіи къ переселенію, и въ народныхъ преданіяхъ; оно выражается и въ государственныхъ эмблемахъ. Нашъ орелъ—наслѣдіе Византіи—орелъ двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсѣкая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на Востокъ, вы не превратите его въ одноглаваго орла; вы заставите его только истечь кровью“. Я,

господа члены Государственной Думы, увѣренъ, я убѣжденъ, что одно ваше рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ уже придастъ большую силу государству. Одна ваша разумная плодотворная работа уже подниметъ кредитъ государства, уже дастъ новые милліоны Россіи. Ваше одно рѣшеніе дастъ возможность найти средства на посильныхъ для насъ условіяхъ. Это одно уже является новымъ источникомъ финансовой силы". „Если, господа, говорилъ онъ далѣе, въ самыя тягостныя минуты нашей новѣйшей исторіи, русскіе финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрѣпленіе нашего расшатаннаго государственнаго тѣла желѣзнымъ обручемъ—будутъ средства. Для этого, господа, нужно только ваше единодушное рѣшеніе, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей рѣчи. Нужно ваше единодушное слово,—произносите его".

Отвѣчая въ маѣ 1908 года на возбужденный въ Государственной Думѣ запросъ объ отношеніяхъ Имперіи къ составной ея части Финляндіи, Столыпинъ говорилъ, что и самый запросъ, и отвѣтъ Правительства устанавливаютъ, что „Имперское правительство считаетъ и будетъ себя считать отвѣтственнымъ за финляндскія событія, такъ какъ Финляндія—составная часть Русской Имперіи, а Имперія управляется объединеннымъ правительствомъ, которое отвѣтственно передъ Государемъ за все, происходящее въ Государствѣ".

Изображая враждебные русскимъ порядки, проявлявшіеся въ Финляндіи, и ту постепенность развитія финляндской обособленности, которая слагалась, благодаря слабости и ошибкамъ центральной Имперской власти, и, описывая затѣмъ настроеніе финляндцевъ, онъ говорилъ:

„Помянутое настроеніе и господствующее политическое теченіе, можетъ быть, и получили бы естественное развитіе, можетъ быть, и привели бы къ широкому развитію финляндской самостоятельности и почти полному обособленію страны съ сохраненіемъ только фактической ея связи съ Россіей, если бы въ это время на встрѣчу финляндской

волнѣ не хлынула другая волна,—волна русскаго народнаго самосознанія, русской государственной мысли".

Русскую точку зрѣнія на финляндскій вопросъ онъ находилъ совершенно ясной: „Россія не можетъ желать нарушенія зяконныхъ автономныхъ правъ Финляндіи относительно внутренняго ея законодательства и отдѣльнаго административнаго и судебнаго ея устройства, но, господа, въ общихъ законодательныхъ вопросахъ и въ нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ управленія должно быть и общее, совмѣстно съ Финляндіей, рѣшеніе, но съ преобладаніемъ, конечно, державныхъ правъ Россіи. Державныя права эти ясно устанавливаетъ четвертая статья Фридрихсгамскаго мирнаго договора, которая послѣ перечисленія губерній, уступаемыхъ королемъ шведскимъ Русскому Императору, гласитъ:

„Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно и ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, и къ ней навсегда присоединяются".

„Вотъ, господа, тотъ актъ, тотъ законный титулъ, по которому Россія владѣетъ Финляндіей, тотъ единственный актъ, который опредѣляетъ взаимоотношенія Россіи и Финляндіи". Слова и дѣйствія Императора Александра I, по мнѣнію Столыпина, не идутъ въ разрѣзъ съ этимъ основнымъ актомъ. Дѣло въ различномъ взглядѣ, сложившемся на тѣ же акты, слова и дѣйствія съ точки зрѣнія финляндской и русской. Но зло коренится не въ этомъ, а въ томъ „что цѣлая область нашего законодательства, громадная область нашихъ взаимоотношеній съ Финляндіей не урегулирована совершенно. Господа, этотъ громадный пробѣлъ нетерпимъ, его надо пополнить. Господа, нельзя такіе важные вопросы оставлять на произволъ случая, случайныхъ обстоятельствъ, случайныхъ людей и событій."

Останавливаясь на необходимости путемъ общегосударственнаго законодательства урегулировать эти взаимоотно-

шенія, онъ говорилъ: „Повторяю, вопросъ этотъ слишкомъ важенъ; онъ касается распространенія власти Государя Императора по общеимперскимъ дѣламъ черезъ общеимперскія учрежденія на протяженіи и пространствѣ всей Имперіи.“

„Господа, въ этомъ дѣлѣ не можетъ и не должно быть подозрѣнія, что Россія желаетъ нарушить автономныя, дарованныя Монархами, права Финляндіи. Въ Россіи, господа, сила не можетъ стоять выше права. Но нельзя также допускать, чтобы одно упоминаніе о правахъ Россіи считалось въ Финляндіи оскорбленіемъ. Господа, въ Финляндіи и въ обществѣ, и въ печати раздаются голоса, что финляндскій вопросъ поднятъ въ Россіи темными силами реакціи; ищутъ защиты въ болѣе интеллигентныхъ,—вѣроятно въ болѣе либеральныхъ людяхъ,—которые должны защитить Финляндію, финляндскія права отъ надвигающейся бюрократической грозы. Прислушиваются въ Финляндіи къ тѣмъ голосамъ, которые не понимаютъ или не могутъ понять, что суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцію, въ связи съ творческой силой, стремящейся преобразовать и мѣстный, и общій строй, имѣетъ одну цѣль: установленіе на пространствѣ всей Россіи стройнаго и стойкаго правового порядка. Я не понимаю, господа, какимъ образомъ могутъ заподозрить правительство, творящее волю Государя, и, совокупно съ представительными учрежденіями, стремящееся водворить въ Россіи спокойствіе и прочный порядокъ, зиждущійся исключительно на законахъ,—заподозрить въ томъ, что оно стремится рушить подобный же порядокъ у нашихъ финляндскихъ согражданъ.

„Забываютъ при этомъ одно,—забываютъ, что съ введеніемъ новаго строя, въ Россіи поднялась другая волна реакціи—реакція русскаго патріотизма и русскаго національнаго чувства, а эта реакція, господа, вьетъ себѣ гнѣздо именно въ общественныхъ слояхъ, общественныхъ кругахъ. Въ прежнія времена одно только правительство имѣло заботу и обязанность отстаивать историческія Дер-

жавныя пріобрѣтенія и права Россіи. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать разсыпанную храмину русскаго народнаго чувства, и выразителями этого чувства являетесь вы, господа, и вы не можете отклонить отъ себя отвѣтственности за удержаніе этихъ державныхъ правъ Россіи. Вы, господа, не можете отвергнуть отъ себя и обязанностей, несомыхъ вами въ качествѣ народнаго представительства. Вы не можете разорвать и съ прошлымъ Россіи. Не напрасно были пролиты потоки русской крови, не безсмысленно и не безсознательно утвердилъ Петръ Великій державныя права Россіи на берегахъ Финскаго залива. Отказъ отъ этихъ правъ нанесъ бы безпримѣрный ущербъ русской державѣ, а постепенная утрата, вслѣдствіе нашего національнаго слабосилія или нашей государственной близорукости, равнялась бы тому же отказу, но прикрытому личиной лицемѣрія. Сокровище русской нравственной духовной силы затрачено въ скалахъ и водахъ Финляндіи. Простите, что я вспоминаю о прошломъ, но и забывать о немъ не приходится. Вѣдь, одинъ, съ морскимъ флотомъ, построеннымъ первоначально на прѣсной рѣчной водѣ, съ моряками, имъ самимъ обученными, безъ средствъ, но съ твердой вѣрой въ Россію и ея будущее—шелъ впередъ Великій Петръ. Не было попутнаго вѣтра, онъ со своими моряками на мозолистыхъ рукахъ переносилъ по сушѣ изъ Финскаго залива въ Ботническій свои галеры, разбивалъ вражескій флотъ, бралъ въ плѣнъ эскадры и награждалъ чернорабочаго творца новой Россіи Петра Михайлова скромнымъ званіемъ адмирала. Господа, неужели объ этой стремительной мощи, объ этой геніальной силѣ нашихъ предковъ помнятъ только кадеты Морского корпуса, которые поставили на мѣстѣ Гангутской битвы скромный крестъ изъ Сердобольскаго гранита? Неужели объ этой творческой силѣ нашихъ предковъ, не только силѣ набѣга, но и силѣ сознанія государственныхъ задачъ, помнятъ только они, и забыла Россія. Вѣдь, кровь этихъ сильныхъ людей перелилась въ ваши жилы; вѣдь вы плоть

отъ плоти ихъ; вѣдь, не многіе же изъ васъ отрицаютъ отчизну, а громадное большинство сознаетъ, что люди соединились въ семьи, семьи въ племена, племена въ народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человѣчество впередъ. Неужели и тутъ скажутъ, что нужно ждать, пока окрѣпнетъ центръ. Неужели въ центрѣ нашей государственной мысли, нашего государственнаго чувства ослабло пониманіе нашихъ государственныхъ задачъ? Да, господа, народы забываютъ иногда о своихъ національныхъ задачахъ, но такіе народы гибнутъ, господа, они превращаются въ наземъ, въ удобреніе, на которомъ выростаютъ и крѣпнутъ другіе, болѣе сильные народы. Мы, господа, обращаемся къ вамъ не за жертвой. Мы не требуемъ отъ васъ угнетенія другой, менѣе сильной народности; нѣтъ, господа, правительство проситъ отъ васъ лишь вашей нравственной поддержки въ томъ дѣлѣ, которое оно считаетъ правымъ. Я увѣренъ, господа, что вы отвергнете запросъ, но вами въ вашихъ русскихъ сердцахъ будутъ найдены выраженія, которыя заставятъ побудить правительство представить на вашъ же судъ законопроектъ, устанавливающій способъ разрѣшенія нашихъ общихъ съ Финляндіей дѣлъ, законопроектъ, не нарушающій правъ маленькой Финляндіи, но ограждающій то, что намъ всего ближе, всего дороже,—историческія державныя права Россіи.“

Нравственная поддержка Думой была оказана, и законопроекты были Правительствомъ представлены; и эти дѣтища покойнаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ, наконецъ, прошли въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Когда въ 1908 году многіе выдающіеся дѣятели третьей Думы, возмущенные глубокими непорядками, продолжавшими царить въ морскомъ вѣдомствѣ, въ особенности по дѣлу судостроенія, рѣшили демонстративно отказать въ кредитѣ на судостроеніе, не превышавшемъ тогда 11.000.000, надѣясь вызвать тѣмъ ускореніе реформированія вѣдом-

ства, П. А. Столыпинъ, становясь выше партійныхъ техническихъ требованій, выше вѣдомственныхъ интересовъ и даже выше правительственной точки зрѣнія, возвышаясь до уровня государственной идеи, призывалъ къ тому же и членовъ Думы:

„Забудьте, господа, забудьте ту жгучую боль, которую испытываетъ каждый русскій, когда касается вопроса о русскомъ флотѣ, и послѣдуйте за мной въ область безстрастнаго разрѣшенія вопроса, въ предѣлахъ одной государственной пользы и государственной необходимости. Господа, я вѣрю, что ваше рѣшеніе, каково бы оно ни было, будетъ продиктовано вамъ велѣніемъ вашей совѣсти и чистымъ патріотизмомъ... И ничѣмъ болѣе. Вы станете выше партійныхъ разсчетовъ, выше фракціонной тактики. Нельзя на полномъ ходу останавливать или давать задній ходъ машинѣ; это ведетъ къ ея поломкѣ. Господа, въ дѣлѣ возсозданія нашего морского могущества, нашей морской мощи, можетъ быть только одинъ лозунгъ, одинъ пароль, и этотъ пароль—впередъ".

Когда П. А. Столыпину пришлось выступать по частному вопросу, въ защиту одной изъ статей землеустроительнаго закона 9 ноября, послѣ того, какъ большинство Государственной Думы уже высказалось за проектъ въ его цѣломъ, причемъ пожеланія возбудившихъ вопросъ сводились къ стремленію подмѣнить въ законѣ понятіе о частной собственности для крестьянъ понятіемъ семейной собственности, въ чемъ они видѣли защиту крестьянскаго имущества отъ отцовъ и главъ семьи—расточителей, пьяницъ, слабыхъ и нехозяйственныхъ людей вообще, П. А., указывая, что такая опека явилась бы новой преградой свободной хозяйственной дѣятельности сильныхъ и хозяйственныхъ крестьянъ-работниковъ, говорилъ: „Нельзя ставить преграды обогащенію сильнаго—для того, чтобы слабые раздѣлили съ нимъ его нищету.

„Не разумнѣе ли идти по другому пути, который широко предъ вами развилъ предыдущій ораторъ, графъ

Бобринскій. Для уродливыхъ, исключительныхъ явленій надо создавать исключительные законы; надо развивать институтъ опеки за расточительность, который въ настоящее время нашъ Сенатъ признаетъ примѣнимымъ и къ лицамъ сельскаго состоянія. Надо продумать и выработать законъ о недробимости участковъ. Но главное, что необходимо, это,—когда мы пишемъ законъ для всей страны,—имѣть въ виду разумныхъ и сильныхъ, а не пьяныхъ и слабыхъ.

„Господа, нужна вѣра. Была минута, и минута эта не далека, когда вѣра въ будущее Россіи была поколеблена, когда нарушены были многія понятія; не нарушена была въ эту минуту лишь вѣра Царя въ силу русскаго пахаря и русскаго крестьянина. Это было время не для колебаній, а для рѣшеній. И вотъ въ эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую отвѣтственность, проведя въ порядкѣ статьи 87, законъ 9 ноября 1906 г.; оно ставило ставку не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и сильныхъ. Таковыхъ въ короткое время оказалось около полумилліона домохозяевъ, закрѣпившихъ за собою болѣе 3.200.000 десятинъ земли. Не парализуйте, господа, дальнѣйшаго развитія этихъ людей и помните, законодательствуя, что такихъ людей, такихъ сильныхъ людей въ Россіи большинство. Вѣдь, смыслъ закона, идея его для всѣхъ ясна. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ личность крестьянина получила уже опредѣленное развитіе, гдѣ община, какъ принудительный союзъ, ставитъ преграду для его самодѣятельности,—тамъ необходимо дать крестьянину свободу приложенія своего труда къ землѣ, тамъ необходимо дать ему свободу трудиться, богатѣть, распоряжаться своей собственностью. Надо дать ему власть надъ землей; надо избавить его отъ кабалы отживающаго общиннаго строя. Законъ вмѣстѣ съ тѣмъ не ломаетъ общины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбопашество имѣетъ второстепенное значеніе, гдѣ существуютъ другія условія, которыя дѣлаютъ общину лучшимъ способомъ использованія земли“.

„Возвращаться къ порядкамъ стѣсненія права крестьянской собственности нельзя, не нарушая основной идеи этого закона.

„Нельзя только на верхахъ развѣшивать флаги какой-то мнимой свободы. Необходимо думать и о низахъ; нельзя уходить отъ черной работы; нельзя забывать, что мы призваны освободить народъ отъ нищенства, отъ невѣжества, отъ безправія.

„И насколько нуженъ, господа, для переустройства нашего царства, переустройства его на крѣпкихъ монархическихъ устояхъ, крѣпкій личный собственникъ, настолько онъ является преградой для развитія революціоннаго движенія".

„Нельзя, господа, идти въ бой, надѣвши на всѣхъ воиновъ броню, или заговоривъ всѣхъ ихъ отъ пораненій. Нельзя, господа, составлять законъ, исключительно имѣя въ виду слабыхъ и немощныхъ. Нѣтъ, въ міровой борьбѣ, въ соревнованіи народовъ, почетное мѣсто могутъ занять только тѣ изъ нихъ, которые достигнутъ полнаго напряженія своей матеріальной и нравственной мощи. Поэтому всѣ силы и законодателя, и правительства должны быть обращены къ тому, чтобы поднять производительныя силы единственнаго источника нашего благосостоянія — земли. Примѣненіемъ къ ней личнаго труда, личной собственности, приложеніемъ къ ней всѣхъ, рѣшительно всѣхъ народныхъ силъ, необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, такъ какъ земля—это залогъ нашей силы въ будущемъ; земля—это Россія".

При обсужденіи въ Думѣ вопросовъ вѣроисповѣдныхъ П. А. Столыпинъ, возражая противъ имѣвшаго въ обществѣ многочисленныхъ сторонниковъ мнѣнія, что всѣ вопросы, связанные съ Церковью, подлежатъ самостоятельному вершительству Церкви, онъ говорилъ. „Это повело бы къ разрыву той вѣковой связи, которая существуетъ

между Государствомъ и Церковью, той связи, въ которой Государство черпаетъ силу духа, а Церковь черпаетъ крѣпость, той связи, которая дала жизнь нашему государству и принесла ей неоцѣнимыя услуги. Этотъ разрывъ ознаменовалъ бы также наступленіе новой эры взаимнаго недовѣрія, подозрительности между церковной властью и властью общезаконодательной, которая утратила бы природное свое свойство власти съ церковью союзной. Государство въ глазахъ церкви утратило бы значеніе государства православнаго, а церковь, въ свою очередь, была бы поставлена въ тяжелое положеніе, въ необходимость самой надѣлять себя политическими и гражданскими правами, со всѣми опасными, отсюда проистекающими послѣдствіями.

„Указанное выше явленіе проистекаетъ изъ инстинктивнаго недовѣрія къ такому союзу со стороны иновѣрцевъ и лицъ не христіанскихъ вѣроисповѣданій“. Поэтому онъ напоминаетъ, что „Дума въ своемъ цѣломъ, по словамъ Царскаго манифеста, должна быть русской по духу, и иныя народности должны въ ней имѣть представителей своихъ нуждъ, но не въ количествѣ, дѣлающемъ ихъ вершителями дѣлъ чисто русскихъ“.

„Мы стоимъ передъ великимъ вопросомъ проведенія въ жизнь высокихъ началъ указа 17 апрѣля и манифеста 17 октября“, говорилъ онъ далѣе: „опредѣляя способы выполненія этой задачи, вы не можете стать на путь соображеній партійныхъ и политическихъ. Вы будете руководствоваться, я въ этомъ увѣренъ, какъ теперь, такъ не разъ и въ будущемъ, при проведеніи другихъ реформъ, соображеніями иного порядка, соображеніями о томъ, какъ преобразовать, какъ улучшить нашъ бытъ сообразно новымъ началамъ, не нанося ущерба жизненной основѣ нашего государства, — душѣ народной, объединившей и объединяющей милліоны русскихъ. Вы всѣ, господа, и вѣрующіе, и невѣрующіе, бывали въ нашей захолустной деревнѣ, бывали въ деревенской церкви. Вы видѣли, какъ истово молится нашъ русскій народъ, вы не могли не осязать атмо-

сферы накопившагося молитвеннаго чувства, вы не могли не сознавать, что раздающіяся въ церкви слова для этого молящагося люда—слова божественныя. И народъ, ищущій утѣшенія въ молитвѣ, пойметъ, конечно, что за вѣру, за молитву каждаго по своему обряду, законъ не караетъ. Но тотъ же народъ, господа, не уразумѣетъ закона, закона чисто вывѣсочнаго характера, который провозгласитъ, что православіе, христіанство уравнивается съ язычествомъ, еврействомъ, магометанствомъ. Господа, наша задача не состоитъ въ томъ, чтобы приспособить православіе къ отвлеченной теоріи свободы совѣсти, а въ томъ, чтобы зажечь свѣточъ вѣроисповѣдной свободы совѣсти въ предѣлахъ нашего русскаго православнаго государства. Не отягощайте же, господа, нашъ законопроектъ чуждымъ непонятнымъ народу привѣскомъ. Помните, что вѣроисповѣдный законъ будетъ дѣйствовать въ русскомъ государствѣ и что утверждать его будетъ русскій Царь, который для слишкомъ ста милліоновъ людей былъ, есть и будетъ Царь православный".

Когда правительство, признавая существовавшій въ это время законъ о выборахъ въ Государственный Совѣтъ отъ девяти западныхъ губерній—неудовлетворительнымъ, такъ какъ, несмотря на громадное преобладаніе русскаго землевладѣнія въ этомъ краѣ, отъ всѣхъ губерній проходили въ члены Государственнаго Совѣта одни поляки, рѣшило переработать этотъ законъ и внесло законопроектъ о продленіи срока полномочій избранныхъ уже членовъ Государственнаго Совѣта на одинъ годъ, то законопроектъ этотъ былъ принятъ съ тѣмъ измѣненіемъ, чтобы выборы были все таки произведены, но полномочія вновь избранныхъ ограничивались только годичнымъ срокомъ. Выступая по этому вопросу Столыпинъ, между прочимъ, сказалъ:

„Я прошу васъ, господа, объ этомъ, въ виду востановленія справедлисти по отношенію къ 15-милліонному русскому населенію въ Западномъ краѣ. Не ненависть, не желаніе нанести полякамъ напрасное оскорбленіе руково-

дитъ Правительствомъ, это было-бы не только невеликодушно, это было-бы негосударственно... Правительствомъ руководитъ сознаніе, которое должно всегда и впредь руководить всякимъ русскимъ Правительствомъ, сознаніе необходимости прислушиваться къ справедливымъ требованіямъ природнаго русскаго населенія окраинъ, а если эти требованія обоснованы, поддерживать ихъ всею силою правительственнаго авторитета".

Послѣднія рѣчи были произнесены и послѣднія мысли были высказаны въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ по поводу запросовъ о проведеніи Правительствомъ закона о земствахъ въ западныхъ губерніяхъ въ порядкѣ ст. 87 Основ. Законовъ во время искусственнаго перерыва законодательныхъ учрежденій.

Въ Думѣ по этому вопросу онъ говорилъ: „если обернуться назадъ и поверхъ дѣйствительности взглянуть на наше прошлое, то въ сумеркахъ нашего національнаго блужданія ярко вырисовываются лишь два царствованія, озаренныя дѣйствительной вѣрой въ свое родное русское. Это царствованіе Екатерины Великой и Александра III. Но лишь въ царствованіе Императора Николая II вѣра въ народъ воплотилась въ призваніи его къ рѣшенію народныхъ дѣлъ и быть можетъ, господа, съ политической точки зрѣнія не было еще на обсужденіи Госуд. Думы законопроекта болѣе серьезнаго чѣмъ вопросъ о западномъ земствѣ. Въ этомъ законѣ проводится принципъ не утѣсненія, не угнетенія нерусскихъ народностей, а охраненія правъ коренного русскаго населенія, которому Государство измѣнить не можетъ, потому что оно никогда не измѣняло Государству и въ тяжелыя историческія времена всегда стояло на западной нашей границѣ на стражѣ русскихъ Государственныхъ началъ. До настоящаго времени къ рѣшенію такихъ вопросовъ народъ не пріобщался и, можетъ быть, поэтому, онъ становился къ нимъ все болѣе и болѣе равнодушенъ; чувство, объединяющее народъ, чувство соединенія тускнѣло и замирало. Впервые въ русской исторіи на

судъ народнаго представительства вынесенъ вопросъ такого глубокаго національнаго значенія".

Дума съ значительнымъ воодушевленіемъ, послѣ горячихъ преній, приняла законъ о западныхъ земствахъ съ куріальными выборами, но Государственный Совѣтъ отвергъ его и сознаніе государственой его необходимости побудило правительство провести законъ въ порядкѣ чрезвычайности.

Отвѣчая на запросъ въ Думѣ по этому поводу, П. А. Столыпинъ говорилъ:

„Правительство должно было рѣшить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертѣть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидѣть свѣта, или же Правительство, которое является выразителемъ и исполнителемъ предначертаній Верховной воли, имѣетъ право и обязано вести опредѣленную, яркую политику. Должно ли Правительство, при постепенномъ усовершенствованіи представительныхъ учрежденій, параллельно ослабѣвать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиленіе, укрѣпленіе нашей государственности. Наконецъ, въ правѣ ли Правительство испрашивать у Монарха использованія всѣхъ находящихся въ его распоряженіи законныхъ средствъ или это равносильно произволу. И, конечно, господа, Правительство не могло рѣшить этого вопроса въ пользу правительственнаго безсилія. Причина этому не самолюбіе Правительства, а прочность государственныхъ устоевъ.

„Оставалось два выхода или уступить и сложить отвѣтственность на другихъ, или—второй исходъ—повести законъ въ порядкѣ ст. 87 Осн. Законовъ, прибѣгнувъ къ временному роспуску палатъ и взявъ на себя всю отвѣтственность, но для лицъ, стоящихъ у власти, нѣтъ, господа, грѣха большаго, чѣмъ малодушное уклоненіе отъ отвѣтственности. И я признаю открыто: въ томъ, что предложенъ былъ второй исходъ, отвѣтственны мы, въ томъ, что мы, какъ умѣемъ, какъ понимаемъ, бережемъ буду-

щее нашей родины и смѣло вбиваемъ гвозди въ вами же сооруженую постройку будущей Россіи, не стыдящейся быть русской, отвѣтственны мы, и эта отвѣтственность— величайшее счастье моей жизни. И какъ бы вы, господа, не отнеслись къ происшедшему, а ваше постановленіе, быть можетъ по весьма сложнымъ политическимъ соображеніямъ, уже предрѣшено, какъ бы придирчиво вы не судили и не осудили даже формы содѣяннаго, я знаю, я вѣрю, что многіе изъ васъ въ глубинѣ души признаютъ, что 14 марта случилось нѣчто, не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства. Патріотическій порывъ Гос. Думы въ дѣлѣ созданія русскаго единства на западѣ Россіи былъ понятъ, оцѣненъ и согрѣтъ одобреніемъ Верховной власти.

„Допустите, господа, также возможность того, говорилъ онъ по тому же запросу въ Государственномъ Совѣтѣ, что Правительство одушевлено, одухотворено такими мыслями, такими началами, которыя, одобренныя Государемъ, стали единственнымъ двигателемъ того труда, который оно несетъ. Это начало—настойчиваго, неторопливаго преобразованія не въ направленіи радикальнаго, но постепеннаго прогресса и закономѣрности. А надъ этимъ, сверхъ этого твердая, сильная русская политическая струя. Вотъ двигатель. Разбейте его—остановится работа. Мы работали, не могу сказать, что въ обстоятельствахъ благопріятныхъ. Вспомните, съ какими треніями, съ какимъ колеблющимся большинствомъ проходилъ законъ 9 ноября 1906 г. Вспомните судьбу цѣлаго ряда законопроектовъ, вспомните отношеніе совершенно искреннее, но отрицательное отношеніе къ нимъ Государственнаго Совѣта. Казалось бы, въ такихъ условіяхъ преобразовательныя начинанія Правительства не могли имѣть успѣха. Но мы продолжали работать, вѣря въ конечный плодотворный переломъ нашихъ трудовъ; мы понимали, что законы, которые поступаютъ года изъ Государственной Думы, требуютъ иногда коренной переработки, требуютъ крупнаго направленія: но мы

надѣялись, мы искали равнодѣйствующую. Работа шла пока въ коренномъ основномъ вопросѣ русской жизни не былъ, наконецъ, сломленъ двигатель правительственной работы. Я говорю объ основномъ русскомъ началѣ нашей внутренней политики. Я знаю, господа, что вы думаете объ этомъ иначе, что вы въ иномъ видите осуществленіе русскихъ идеаловъ. Но именно разногласіе съ правительственной внутренней національной политикой, которая получаетъ одобреніе и указаніе не въ собственномъ, не въ своемъ вдохновеніи, составляетъ событіе не каждодневное, тѣмъ болѣе, что эта политика не узко-національнстическая, не партійная, а основанная на общемъ чувствѣ людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій, но однородно понимающихъ прошлое и будущее Россіи. Вы, господа, сказали свое мнѣніе, должны были его сказать откровенно, но признаніе правоты вашей точки зрѣнія въ вопросѣ о западномъ земствѣ, о національныхъ куріяхъ, означала не только отклоненіе очередного законопроекта, а знаменовало крушеніе цѣлаго міра понятій. Я не знаю, ясно ли я выражаю свою мысль. Я не хочу говорить о существѣ отвергнутаго законопроекта. Я не говорю о существѣ нашего разномыслія, я говорю только о послѣдствіяхъ вашего вотума. Я всегда откровенно заявлялъ, что считаю польскую культуру цѣннымъ вкладомъ въ общую сокровищницу совершенствованій человѣчества. Но я знаю, что эта культура на Западѣ вѣками вела борьбу съ другой культурой, болѣе мнѣ близкой, болѣе мнѣ дорогой, съ культурой русской. Я знаю, что конецъ мечты о западномъ земствѣ это печальный звонъ въ отказѣ С.-Петербурга въ опасную минуту отъ поддержки тѣхъ, кто преемственно стоялъ и стоитъ за сохраненіе Западной Россіи русскою. Я знаю, что вѣсть объ этомъ оглушила многихъ и многихъ, всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ вселилась увѣренность, что это дѣло пройдетъ послѣ того, какъ оно собрало большинство въ Государственной Думѣ и въ комиссіи Государственнаго Совѣта, послѣ того, какъ мысль

о немъ взята подъ Высокую защиту. Я знаю больше, господа, я знаю, что ваша возобладающая мысль и мнѣніе Правительства въ этомъ вопросѣ—это два міра, два различныхъ пониманія Государства и государственности. Для обширнаго края это можетъ быть поворотъ въ его исторической судьбѣ, для Россіи это, быть можетъ, предрѣшеніе ея національнаго будущаго. Законъ—показатель, законъ—носитель, быть можетъ ложныхъ, съ вашей точки зрѣнія, ошибочныхъ русскихъ надеждъ и русскихъ преданій, былъ похороненъ навсегда, и здѣсь въ Государственномъ Совѣтѣ на него надвинута была тяжелая могильная плита. Мысль Правительства, идеалы Правительства были надломлены. Больше бороться было незачѣмъ, разсчитывать на иниціативу Государственной Думы—иллюзія. Вѣдь, въ вашихъ глазахъ, это были бы слова, пустое заклинаніе, которому не воскресить мертваго законопроекта. Вѣдь, надо не уважать Государственный Совѣтъ, чтобы думать, что онъ безъ особо высокихъ побужденій чрезъ каждые два-три мѣсяца будетъ мѣнять свое мнѣніе, свое рѣшеніе. Такимъ образомъ, силою вещей, постепенно, незамѣтно Россія была подведена къ поворотному пункту въ ея внутренней національной политикѣ. Обыденное это явленіе или обстоятельство чрезвычайное каждый, конечно, рѣшитъ по своему внутреннему убѣжденію. Но разрѣшить этотъ вопросъ для Россіи призваны, господа, не вы и не мы. Колебаніямъ былъ положенъ конецъ и законъ былъ проведенъ въ порядкѣ ст. 87. Обнародованный въ этомъ порядкѣ законъ былъ опубликованъ Првительствующимъ Сенатомъ, который по ст. 2 своего учрежденія могъ признать его нарушающимъ наши Основные Законы. Мнѣ весьма больно, если дѣйствія Правительства признаются Государственнымъ Совѣтомъ для себя оскорбительными, но въ сознаніи своей отвѣтственности, тяжелой отвѣтственности, Правительство должно было перешагнуть и черезъ это. То же чувство отвѣтственности побуждаетъ меня заявить вамъ, господа, что толкованіе ст 87, при-

веденное въ запросѣ Государственнаго Совѣта, Правительство почитаетъ неправильнымъ и непріемлемымъ. Наличность же чрезвычайныхъ обстоятельствъ въ этомъ дѣлѣ, которую Правительство не ставитъ на судъ Законодательныхъ Учрежденій, и о которой оно говорило лишь въ отвѣтъ на заданный вопросъ, Правительство видитъ въ опасности созданія безвыходнаго для Россіи положенія въ дѣлѣ проведенія жизненныхъ, необходимыхъ для Россіи законовъ съ одновременнымъ поворотомъ нашей внутренней политики далеко въ сторону отъ русскаго національнаго пути".

Таковы главные, наиболѣе характерные, имѣющіе наиболѣе общій интересъ отрывки изъ рѣчей П. А. Столыпина. Чтобы дополнить еще нѣсколькими штрихами его политическій обликъ, остановимся на двухъ бесѣдахъ его, въ свое время сдѣлавшихся достояніемъ печати. Излагая общія основныя положенія русской государственной политики, насколько она отражалась тогда въ положеніи Россіи, въ бесѣдѣ съ однимъ представителемъ иностранной прессы, П. А. высказалъ слѣдующее:

„Всѣ заботы Правительства направлены къ проведенію въ жизнь прогрессивныхъ реформъ. Неустанное развитіе городовъ идетъ объ руку съ экономическимъ подъемомъ сельской и деревенской жизни. Правительство содѣйствуетъ проникновенію въ сознаніе широкихъ народныхъ массъ той великой истины, что единственно въ трудѣ народъ можетъ обрѣсти спасеніе.

„Въ центрѣ заботъ Правительства стоитъ преуспѣяніе института мелкой земельной собственности. Настоящій прогрессъ земледѣлія можетъ совершаться только въ условіяхъ личной земельной собственности, развивающей въ собственникѣ сознаніе какъ права, такъ и обязанностей. Наши усилія въ этомъ направленіи не пропадаютъ даромъ. Въ Россіи всѣ трудятся, и если въ Петербургѣ есть люди, немного занимающіеся политикой и критикующіе земельную политику Правительства, то въ общемъ преобладаетъ на-

строеніе бодраго оптимизма и вѣры въ будущее. Земледѣлецъ, обладающій земельной собственностью, защитникъ порядка и опора общественнаго строя.

„Легко сказать: „дайте странѣ всѣ свободы". И я говорю: надо дать свободу, но при этомъ добавлю, что предварительно нужно создать гражданъ и сдѣлать народъ достойнымъ свободы, которую Государь соизволилъ дать. Поэтому исполненіе моей программы разсчитано на много лѣтъ. Я горячо вѣрю въ блестящую будущность Россіи. Впрочемъ, Россія и теперь велика, богата и сильна..."

Не меньшій интересъ представляетъ бесѣда П. А. съ редакторомъ одной изъ провинціальныхъ газетъ, въ которой онъ, говоря о возлагаемыхъ имъ на провинціальную печать надеждахъ, говорилъ: „печати провинціальной и ея развитію я придаю особенное значеніе; задача ея—вѣрно и точно выражать настроеніе страны, ибо нѣкоторыя столичныя газеты слишкомъ много отдаютъ мѣста вопросамъ, такъ называемой, „высокой политики" и партійному политиканству, руководимому весьма часто закулисными интригами. Сколько времени, напримѣръ, было потрачено, да и до сихъ поръ тратится на безплодные споры о томъ, самодержавіе у насъ или конституція. Какъ будто дѣло въ словахъ, какъ будто трудно понять, что манифестомъ 17 октября съ высоты престола предуказано развитіе чисто русскаго государственнаго устройства, отвѣчающаго историческимъ преданіямъ и народному духу. Государю Императору угодно было призвать народныхъ представителей себѣ въ сотрудники. Можно ли послѣ того говорить, что народное представительство что либо „урвало" отъ царской власти.

„Еще укажу на одинъ недостатокъ большей части столичной печати: судя по ея газетнымъ статьямъ, можно подумать, что страна наша охвачена пессимизмомъ, общимъ угнетеніемъ, между тѣмъ я лично наблюдалъ, да и вы, думаю, можете подтвердить, что въ провинціи уже замѣчается значительный подъемъ бодраго настроенія, свидѣ-

тельствующаго о томъ, что все въ Россіи начинаетъ понемногу втягиваться въ бодрую работу... Бодрый оптимизмъ, наблюдаемый въ нашей провинціи, совпадаетъ съ проведеніемъ въ жизнь земельной реформы. Я полагаю, что прежде всего надлежитъ создать гражданина, крестьянина, крестьянина собственника и мелкаго землевладѣльца, а когда эта задача будетъ осуществлена—гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданинъ, а потомъ—гражданственность. У насъ же обыкновенно проповѣдуютъ наоборотъ. Эта великая задача наша—созданіе крѣпкаго единоличнаго собственника, надежнѣйшаго оплота государственности и культуры—неуклонно проводится Правительствомъ. До сихъ поръ у нашего стомилліоннаго крестьянства, зависимаго всегда отъ другихъ, была одна лишь карьера—карьера мужика-кулака. Теперь передъ нимъ открываются иные, болѣе свѣтлые горизонты. Становясь личнымъ собственникомъ, единоличнымъ кузнецомъ своего счастья, нашъ крестьянинъ получаетъ широкую возможность проявлять свою личную волю и свой личный починъ въ разумномъ устроеніи своей жизни, своего хозяйства... Итакъ, надо надѣяться, что понемногу, естественнымъ путемъ, безъ какого либо принужденія раскинется по Россіи сѣть мелкихъ и среднихъ единоличныхъ хозяйствъ. Вѣроятно крупныя земельныя собственности нѣсколько сократятся, вокругъ нынѣшнихъ помѣщичьихъ усадебъ начнутъ возникать многочисленныя среднія и мелкія культурныя хозяйства, столь необходимыя какъ надежнѣйшій оплотъ государственности на мѣстахъ... Сейчасъ у насъ на очереди другая важная реформа. Я говорю о реформѣ мѣстной. Проектируемому правительственнымъ законопроектомъ институту уѣздныхъ начальниковъ приписываютъ стремленіе умалить авторитетъ уѣздныхъ предводителей. Это совершенно несправедливо. Исторически, традиціонно сложившаяся крупная мѣстная сила является авторитетомъ, который правительству ломать не приходится. Задача заключается въ томъ, чтобы сумѣть скомбинировать съ

этою мѣстною властью, остающеюся въ уѣздѣ первенствующею, власть довѣреннаго, уполномоченнаго правительственнаго лица. Наше мѣстное управленіе должно быть построено по той же схемѣ, какъ и во всѣхъ другихъ благоустроенныхъ государствахъ. Посмотрите на Францію и Германію. Вездѣ одно и то же. Внизу основой всего—самоуправляющаяся ячейка—сельская община, на которую возложены многія обязанности и государственныя, какъ то: дѣла полицейскія, дѣла по воинской повинности и проч. Ни у одного государства нѣтъ матеріальныхъ средствъ, чтобы довести принципъ раздѣленія власти правительственной и общественной до самыхъ низовъ государства. Но уже въ уѣздахъ, вездѣ на западѣ, мы видимъ подобное раздѣленіе. Наряду съ самоуправляющимися единицами во Франціи—Правительственные супрефекты, въ Германіи—правительственные ландраты. Нѣчто аналогичное предстоитъ и въ Россіи...

„Новое земство, по правительственному законопроекту, должно перестать быть сословнымъ, но землевладѣльцы должны сохранить въ немъ свое вліяніе. Землевладѣлецъ—это крупная культурная сила въ великомъ дѣлѣ устроенія государства. Напрасно опасаются, что, въ случаѣ принятія законопроекта, старые испытанные земскіе работники, создавшіе въ теченіи 40 послѣднихъ лѣтъ нынѣшнее земство будутъ затерты новыми лицами. Они будутъ ими не затерты, а подкрѣплены...

„Итакъ, на очереди главная задача — укрѣпить низы. Въ нихъ вся сила страны. Ихъ болѣе ста милліоновъ. Будутъ здоровые и крѣпкіе корни у государства, повѣрьте, и слава русскаго правительства совсѣмъ иначе зазвучитъ передъ Европой и передъ цѣлымъ міромъ. Дружная, общая, основанная на взаимномъ довѣріи работа—вотъ девизъ для всѣхъ насъ русскихъ. Дайте государству 20 лѣтъ покоя внутренняго и внѣшняго и вы не узнаете нынѣшней Россіи“.

Живой матеріалъ, приведенный нами, почерпнутый

изъ бесѣдъ П. А. Столыпина, ясно и отчетливо возстановляетъ въ памяти нашей его главнѣйшіе политическіе взгляды, убѣжденія, порывы его чувствъ, также идеалы и цѣли, имъ намѣченные. Эти взгляды, убѣжденія, чувства и цѣли, теперь, послѣ его кончины получаютъ особый смыслъ и особое значеніе—они становятся завѣтами великаго гражданина русской земли и требуютъ особаго вниманія и памяти.

Со второй половины 1909 года наступило время думскаго затишья. Наладившаяся въ ней работа не вызывала болѣе необходимости выступленій Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Общее успокоеніе страны требовало тоже меньшей затраты его силъ на борьбу съ революціонными ковами. Свою кипучую энергію Столыпинъ могъ поэтому еще съ большей силой направить на созидательную дѣятельность, и отъ времени до времени могъ онъ даже затрачивать избытокъ силъ и на дѣла менѣе важныя, выходящія изъ сферы важнѣйшихъ государственныхъ интересовъ. Наибольшее его вниманіе было, какъ и раньше, обращено на реальное внесеніе въ жизнь закона о землеустройствѣ. Къ этому времени относятся его поѣздки по разнымъ мѣстностямъ Россіи для ознакомленія съ землеустроительными работами и осмотра новыхъ отрубныхъ и хуторныхъ хозяйствъ; поѣздка въ Сибирь на Амурскую дорогу, а равно и Высочайшія поѣздки въ Полтаву и Кіевъ, въ которыхъ онъ сопровождалъ Государя. За это же время онъ принималъ участіе во многихъ мелкихъ дѣлахъ. Такъ, онъ принялъ участіе въ дѣлѣ борьбы съ холерой, въ работахъ о водоснабженіи г. Петербурга и друг. Поѣздки на Полтавскія торжества и въ Кіевѣ не были какими либо праздничными прогулками на торжествахъ, это были новыя вѣхи, которыя ставилъ П. А. въ дѣлѣ, на которое онъ затрачивалъ лучшія силы души,—въ дѣлѣ пробужденія русскаго національнаго самосознанія.

Труду П. А. отдавался беззавѣтно, онъ почти не имѣлъ

личной жизни и личныхъ интересовъ; всю свою энергію, всю удивительную свою трудоспособность онъ вкладывалъ въ каждое дѣло, которое считалъ долгомъ исполнить и довести до конца. Отдыха онъ не зналъ, только лѣтомъ на самое короткое время уѣзжалъ въ деревню въ свое имѣніе, но и тамъ онъ продолжалъ работать, не выпуская нитей государственнаго строительства и управленія изъ своихъ рукъ. Только разъ за время своего стоянія на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ онъ, заболѣвъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, позволилъ себѣ двухмѣсячную поѣздку въ Крымъ. Въ дни его обычнаго служенія въ Петербургѣ, онъ работалъ съ ранняго утра до поздней ночи, не признавая утомленія. Вставалъ онъ очень рано, въ началѣ восьмого былъ уже на прогулкѣ; вернувшись въ кабинетъ, принимался за просмотръ текущихъ дѣлъ, дѣлалъ помѣтки, подготовлялъ порученія подчиненнымъ и пробѣгалъ газеты, дѣлая внимательно отмѣтки. Съ половины десятаго начинались доклады и пріемы высшихъ чиновъ Министерства, лицъ явившихся по постороннимъ дѣламъ, членовъ Думы и Государственнаго Совѣта. Промежутки между пріемами заполнялись имъ чтеніемъ новѣйшихъ книгъ, въ особенности посвященныхъ вопросамъ государственнаго права. Значительную часть времени онъ долженъ былъ отдавать дѣлу руководства и предсѣдательствованія въ Совѣтѣ Министровъ и совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ текущимъ дѣламъ и дѣламъ законодательства. Засѣданія эти не рѣдко затягивались до утра. При такомъ обиліи общегосударственныхъ заботъ, П. А. умудрялся урывками находить время и для менѣе важныхъ вопросовъ; такъ, извѣстны случаи, когда онъ ночью лично посѣщалъ ночлежки, пріюты и знакомился съ жизнью наиболѣе бѣдствующей части населенія столицы. Такова была кипучая дѣятельность П. А. Столыпина въ мирные просвѣты его государственнаго служенія послѣдняго пятилѣтія.

Но дни борьбы для П. А. еще не кончилась. Ему суж-

дено было бороться до послѣднихъ минутъ жизни. Подавленіе революціонной смуты Столыпинъ вынесъ на своихъ плечахъ, заслуга его въ этомъ дѣлѣ была очевидна. Революція потеряла почву и была побѣждена имъ не столько примѣненіемъ репрессій, т. е. силою, сколько тѣмъ, что онъ вынесъ ее къ свѣту, и доказалъ, что эта пресловутая революція, поднятая будто бы на благо народа, сводится лишь къ убійствамъ и грабежу. Пока въ Россіи было опасно и бурно и не было увѣренности въ безопасности завтрашняго дня, крайнія правыя партіи, какъ въ Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, по существу враждебныя ко всему новому режиму, къ его руководителю и къ самой Государственной Думѣ, не проявляли вражды къ Столыпину, но когда достигнуто было прочное успокоеніе, они подняли голову и начали свои нападенія. Сдѣланы были многочисленныя попытки ослабить тѣ общественныя симпатіи, которыя завоевалъ и сохранялъ П. А. Столыпинъ со времени своей исторической рѣчи во второй Думѣ 6 марта 1907 года, дѣлались равнымъ образомъ попытки поколебать довѣріе свыше. Стали образовываться непріятные главѣ Правительства блоки, причемъ правые не стѣснялись привлеченіемъ въ союзъ и крайнихъ лѣвыхъ. Нашлась поддержка и въ нѣкоторыхъ иныхъ общественныхъ кругахъ, недовольныхъ Столыпинымъ, недостаточно считавшимся съ ними и стремившимся водворить ихъ въ рамки законности.

Въ первый разъ компанія противъ Столыпина была начата по вопросу о преобразованіи русской миссіи при японскомъ правительствѣ въ посольство. Законопроектъ по этому вопросу былъ внесенъ Столыпинымъ въ Государственную Думу, причемъ правые хотѣли видѣть въ этомъ покушеніе Столыпина на прерогативы Монарха, но это дѣло было вскорѣ признано не достаточно яркимъ и атака была оставлена. Второе нападеніе было сдѣлано въ томъ же направленіи по поводу проведенія штатовъ морского министерства черезъ Думу и Государственный

Совѣтъ; этому тоже хотѣли придать значеніе новаго покушенія на власть Монарха. Когда штаты, прошедшіе черезъ оба законодательныя учрежденія, не удостоились высшаго утвержденія, крайніе правые думали уже праздновать побѣду. Столыпинъ подалъ въ отставку, но отставка не была принята и положеніе его осталось прочнымъ. Два первыхъ нападенія, сдѣланныхъ страннымъ, можно сказать, противуестественнымъ блокомъ крайнихъ правыхъ съ крайними лѣвыми и при содѣйствіи многихъ вчерашнихъ умѣренныхъ политическихъ друзей, были направлены на вопросы, не связанные со всѣмъ русско-національнымъ направленіемъ государственной политики Столыпина. Атака велась, собственно, противъ личности П. А. и его положенія, какъ главы Совѣта Министровъ; вопросы, послужившіе поводомъ столкновенія, имѣли сравнительно ничтожное значеніе. Третье же нападеніе, свидѣтелями котораго мы были такъ недавно, направлено на столь дорогое дѣтище П. А. Столыпина, что онъ предъ нападающими долженъ былъ встать во весь свой богатырскій ростъ, чтобы дать должный отпоръ желавшимъ пошатнуть все его великое дѣло и найти исходъ изъ создавшагося затрудненія въ мѣрѣ чрезвычайной. Послѣднее нападеніе было сдѣлано въ трудные дни проведенія закона о западномъ земствѣ. Этотъ законъ былъ не разрывнымъ, неотъемлемымъ звеномъ, входившимъ въ цѣльную планомѣрную національную политику, былъ дѣломъ любви Столыпина къ Россіи, къ народу русскому и къ пахарю западнаго края. „Не полицейскими мѣрами, говорилъ онъ, спасемъ мы бѣлорусса и малоросса отъ экономическаго и культурнаго гнета польскихъ помѣщиковъ. Тутъ необходимъ сильный подъемъ русской культуры, котораго мы безъ русскаго земства не достигнемъ. Отдавая дань уваженія польской культурѣ, онъ, какъ глубоко русскій человѣкъ, открыто заявлялъ, что есть культура, которая ему милѣй и ближе—русская культура для русскаго народа. Его политика не была политикой угнетенія,

устраненія какой либо изъ не русскихъ народностей, а чисто положительной политикой, стремящейся поднять русскую культуру и экономическую силу русскаго народа. Такъ онъ относился къ интересамъ русскихъ гражданъ западнаго края, тѣ же побужденія руководили имъ и въ вопросѣ Холмскомъ.

Легко себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ Столыпинъ ждалъ осуществленія своей мечты, введенія русскаго земства въ западномъ краѣ, и вотъ когда законъ о западномъ земствѣ, хотя и съ небольшими поправками, прошелъ, наконецъ, черезъ Думу и былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, разыгралась неожиданная и невѣроятная драма. На этомъ дѣлѣ сплотились двѣ враждебныя къ покойному Предсѣдателю Совѣта Министровъ силы, и руководство въ этомъ походѣ приняли на себя такія силы, какъ графъ С. Ю. Витте и П. Н. Дурново; прибѣгли къ воздѣйствію всѣхъ авторитетовъ, и дорогое дѣтище П. А. Столыпина должно было быть похоронено. Всей національной политикѣ, опиравшейся на державную Волю Монарха и съ такою энергіей проводимой вѣрнымъ слугой Престола, былъ нанесенъ почти смертельный ударъ. Но богатырь не сдался. Съ соизволенія Монарха, была принята мѣра чрезвычайная: законодательныя палаты временно были распущены и законъ о западномъ земствѣ проведенъ по ст. 87 закон. основныхъ. Эта мѣра была встрѣчена шумными осужденіями, не говоря уже о Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ большинство, отвергшее законъ, было заинтересовано исходомъ дѣла, но и въ Государственной Думѣ, гдѣ законъ прошелъ; кризисъ такъ обострился, что П. А. долженъ быть подать въ отставку и взялъ ее назадъ только послѣ того, какъ послѣдовали мѣры, свыше явно осуждавшія сдѣланное на него нападеніе. Западное земство было введено, и жизненность его и польза для края теперь стали для всѣхъ очевидны. Смерть Столыпина, которую онъ всегда ожидалъ, доказала тоже, какъ онъ былъ правъ, не откладывая этого дѣла до новаго его воз-

бужденія Думой и не подвергая его новымъ случайностямъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Успѣхъ введенія земствъ въ западномъ краѣ создалъ тотъ необыкновенный подъемъ національнаго духа, тотъ народный восторгъ, съ которымъ были встрѣчены Государь Императоръ и Его Семья въ Кіевѣ—этой матери городовъ русскихъ, и во всемъ западномъ краѣ, который этотъ новый законъ съ новой силой навсегда приковалъ единымъ культурнымъ началомъ къ единой великой родинѣ.

Этого высокаго подъема русскаго національнаго духа, этого явнаго торжества и оправданія разумности всей политики, руководимой Столыпинымъ, не могли снести враги государственности и ихъ союзники. Носились къ тому же тревожившіе инородцевъ слухи о новомъ намѣченномъ Столыпинымъ шагѣ, предназначенномъ содѣйствовать подъему національной торгово-промышленной дѣятельности—о націонализаціи кредита, т. е. въ сущности о болѣе справедливомъ по отношенію къ русскимъ людямъ распредѣленіи кредитовъ, открываемыхъ изъ государственныхъ средствъ на поддержаніе торговли и промышленности. Эти слухи тоже могли содѣйствовать озлобленію враговъ и создать атмосферу для преступнаго замысла.

И вотъ свершилось ужасное, позорное дѣло, и совершилось при самой необыкновенной и загадочной обстановкѣ.

Въ дни высоконаціональныхъ Кіевскихъ торжествъ, въ дни ликованія русскихъ людей западнаго края, въ минуту особаго подъема нашего національнаго самосознанія, въ ту минуту, когда всѣми русскими людьми чувствовалось, что государственное дѣло, руководимое Столыпинымъ по пути, указанному Державной Волей, двигалось впередъ и развивалось особенно успѣшно, изъ русской жизни былъ насильственно вырванъ лучшій изъ слугъ Царя „надежа народная“. 1 сентября въ театральный залъ городского театра въ присутствіи Государя Императора, который прибылъ въ древнѣйшій престольный градъ своей родины на открытіе памятника своему незабвенному дѣду—Царю

Освободителю, въ залъ, наполненный избранной публикой, допускавшейся только по особымъ билетамъ, проникъ подлый палачъ, исполнитель велѣній враговъ русскаго государства и русской народности, и запятналъ свѣтлые дни эти кровью лучшаго и вѣрнаго изъ сыновъ Россіи. Въ антрактѣ торжественнаго спектакля, въ то время, когда Государь и его дочери удалились въ глубину ложи, а П. А. Столыпинъ стоялъ въ первомъ ряду партера, обернувшись спиной къ оркестру, окруженный другими сановниками, черезъ проходъ между креселъ къ нему приблизился прилично одѣтый брюнетъ и, быстро направивъ дуло браунинга, произвелъ въ него два выстрѣла въ упоръ. Вся зала замерла отъ ужаса. Какъ молнія пронеслась у многихъ мысль объ опасности, грозившей самому Государю. Смертельно раненый, П. А. Столыпинъ медленно опускался, но слабѣющая рука его успѣла осѣнить знаменіемъ креста Царскую ложу, у барьера которой въ эту минуту появился Государь Императоръ. Публика, наполнявшая театръ, при видѣ Царя невредимаго, поняла жестъ вѣрнаго Его слуги и, вторя ему, огласила залъ криками „гимнъ, гимнъ“. Раздались звуки гимна и звуки эти изъ потрясенныхъ ими стѣнъ театра разнеслись далеко по всей Россіи, встрѣчая могучій отзвукъ въ сердцахъ русскихъ людей.

Убійца, такъ подло напавшій на безоружнаго, схваченный въ корридорахъ театра, когда онъ готовъ былъ скрыться, оказался помощникомъ присяжнаго повѣреннаго евреемъ Мордкой Богровымъ, революціонеромъ террористомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, агентомъ охраны, въ качествѣ какового онъ и могъ проникнуть въ такую минуту въ залъ городского театра. Тяжко раненый глава Правительства немедленно былъ перевезенъ въ лечебницу. Начались дни страданій П. А. Столыпина и борьбы его организма со смертью. Онъ былъ окруженъ самымъ тщательнымъ уходомъ, у постели его со второго же дня послѣ злодѣйскаго выстрѣла неотлучно находилась его супруга; профессора медицины ежеминутно слѣдили за ходомъ болѣзненнаго

процесса и оказывали возможную помощь, но все это было тщетно, спасеніе было невозможно. Съ первыхъ же минутъ П. А. предвидѣлъ смертельный исходъ, но это не нарушало ясности его сознанія и мужественнаго его настроенія. „Я знаю, что приближается смерть“, говорилъ онъ и поспѣшилъ исполнить свой христіанскій долгъ и дать свои послѣднія распоряженія. Самъ, такъ нуждаясь въ помощи, онъ думалъ о Россіи, о русскихъ людяхъ и заботился о безопасности Государя. „Передайте Государю“, сказалъ онъ, забывая о своихъ мукахъ, „что мнѣ не страшно умирать за него“. До послѣдней минуты также, какъ и всю свою жизнь, онъ продолжалъ вѣрить въ людей и любить ихъ, хотя, казалось, люди слѣлали все, чтобы разбить эту вѣру; и въ минуты начавшейся агоніи, въ бреду онъ все же думалъ о тѣхъ, для кого такъ много потрудился. „Граждане, граждане“, шептали его запекшіеся уста.

Граждане, граждане земли русской! Къ вамъ неслись эти послѣднія слова богатыря-мученика, но не о мщеніи просилъ онъ, онъ призывалъ васъ къ вѣрности, долгу родной землѣ, къ вѣрности тѣхъ завѣтовъ, за которые онъ такъ страдалъ и такъ безвременно погибалъ...

Извѣстіе о покушеніи, сдѣланномъ на главу Правительства евреемъ революціонеромъ, заявившимъ при томъ сознательно, что онъ намѣревался посягнуть на священную особу Государя Императора и не привелъ въ исполненіе этого замысла единственно изъ опасенія народнаго самосуда надъ его соплеменниками, облетѣвъ всю Россію, заставило содрогнуться всѣхъ русскихъ людей отъ гнѣва и стыда. Опасность, въ которой находилась жизнь Столыпина испугала и огорчила весь народъ русскій и тысячи, и можетъ быть и милліоны людей съ этой минуты съ мучительной тревогой стали ожидать, что принесетъ завтрашній день, надѣясь на выздоровленіе любимаго главы Правительства. Ждала извѣстія объ этомъ выздоровленіи вся Россія, но если гдѣ это ожиданіе доходило до особаго напряженія, если гдѣ возносились особенно горячія мо-

литвы о спасеніи раба Божія Петра, то это, безъ сомнѣнія, на всемъ русскомъ западѣ, въ древнемъ стольномъ городѣ котораго было совершено злодѣйское покушеніе, какъ разъ въ началѣ новаго расцвѣта западной русской жизни, главнымъ творцомъ котораго былъ П. А. Столыпинъ. Но пуля, направленная врагами русскаго народа, нанесла смертельное пораненіе и 5 сентября въ 10 час. 12 м. утра П. А. Столыпинъ почилъ на вѣки.

Умеръ русскій богатырь, такой богатырь, какіе появляются только столѣтіями; умеръ онъ во цвѣтѣ лѣтъ, когда былъ такъ нуженъ родинѣ, когда былъ въ силахъ еще много поработать для русской земли, умеръ онъ на своемъ посту, защищая родину и Царя до послѣдней минуты жизни своей.

Бросая взглядъ назадъ на всѣ проявленія кипучей дѣятельности П. А. Столыпина, среди бурнаго теченія новой развивающейся русской жизни послѣднихъ лѣтъ, на его мужественныя рѣчи на его защиту историческихъ завѣтовъ и правды, на проявленія его беззавѣтной преданности родинѣ и Царю, на опасности, имъ перенесенныя, мы видимъ, что вся его жизнь со времени его вступленія на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и до послѣднихъ его минутъ, вырисовывается, какъ одинъ непрерывный подвигъ, какъ непрерывное служеніе родинѣ при постоянно грозящей опасности. Смерть отъ руки Кіевскаго злодѣя явилась лишь послѣднимъ актомъ, послѣдней страницей подвига Петра Аркадьевича Столыпина. „Это была жизнь за Царя и за Родину, и это была смерть за Царя и Родину“,—сказалъ недавно И. А. Гучковъ—одинъ изъ краснорѣчивыхъ думскихъ ораторовъ на вечерѣ въ память погибшаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Вѣсть о кончинѣ покойнаго главы русскаго Правительства глубоко потрясла всѣхъ мыслящихъ и любящихъ свою родину русскихъ людей. Никогда еще смерть высокаго правительственнаго сановника не являлась такимъ всенароднымъ горемъ, никогда убійцы не вызывали такого все-

общаго негодованія и презрѣнія. Отъ сельскихъ обществъ и маленькихъ уѣздныхъ городовъ до столичныхъ Думъ и законодательныхъ учрежденій, всюду были проявлены чувства искренняго горя по поводу кончины героя, неподдѣльнаго негодованія, вызваннаго звѣрскимъ убійствомъ, и глубокаго презрѣнія къ подлымъ палачамъ. Это былъ, наконецъ, тотъ приговоръ, то глубоко авторитетное осужденіе террора, котораго Правительство не могло добиться отъ двухъ первыхъ революціонныхъ Думъ. Вызванный къ жизни смертью Столыпина, новый мощный подъемъ національнаго духа объединилъ всѣхъ русскихъ гражданъ, какъ бы въ родную семью, вокругъ гроба почившаго. Правительство перестало быть чужимъ для народа,—оно стало своимъ роднымъ, такъ какъ въ Столыпинѣ видѣли своего родного богатыря-мученика. Изъ всѣхъ городовъ Россіи получались извѣстія о торжественныхъ заупокойныхъ службахъ; ко вдовѣ Петра Аркадьевича неслись тысячи телеграммъ, ѣхали сотни депутатовъ съ вѣнками, зарождались предположенія объ увѣковѣченіи его памяти стипендіями, памятниками и т. д.

А онъ лежалъ въ гробу съ терновымъ вѣнкомъ на груди, принесеннымъ Кіевскимъ національнымъ клубомъ, и окруженный массой цвѣтовъ и серебряныхъ вѣнковъ. Поклониться праху его приходили: сановники, депутаты, представители городовъ, разныхъ учрежденій и политическихъ организацій, и массы народныя, вереницей входившія и выходившія изъ лечебницы, гдѣ почилъ дорогой мученикъ. Вдова его пребывала неотлучно у гроба. Когда Государь Императоръ, прибывшій помолиться у праха своего вѣрнаго слуги, подошелъ къ ней, она, говорятъ, съ благородной грустью сказала: „какъ видите, Ваше Величество, Сусанины еще не перевелись въ Россіи“.

„Я увидѣлъ“, — говорилъ о своихъ впечатлѣніяхъ у гроба П. А. Столыпина близко его знавшій графъ В. А. Бобринскій: „знакомыя и любимыя черты... вотъ оно это доброе, умное и честное лицо. Но оно осунулось, на немъ

видна глубокая печаль перенесенныхъ физически тяжелыхъ страданій. Не стоитъ смѣло и бодро предъ нами Петръ Аркадьевичъ, какимъ мы привыкли его видѣть въ Государственной Думѣ... Онъ безмолвно лежитъ въ гробу; скрещенныя руки держатъ икону, а на груди лежитъ терновый вѣнецъ"... Отуманенные слезами глаза графа Бобринскаго невольно остановились на вѣнкѣ съ знаменательной надписью: „запугать тебя не могли, тебя предательски убили", гласила она. По послѣднему желанію покойнаго, мѣстомъ погребенія избранъ былъ Кіевъ. Мѣсто для могилы, по Высочайшему повелѣнію, отведено было въ лаврѣ близъ историческихъ могилъ Кочубея и Искры, тоже мученически погибшихъ за русскую идею.

Выносъ тѣла изъ лечебницы и перенесеніе черезъ весь городъ въ Кіево-Печерскую Лавру, а затѣмъ и самое погребеніе, — говорятъ очевидцы, — представляли величественное, высоко-трогательное зрѣлище. За погребальной колесницей шли вдова и родные, а за ними многіе министры и другіе сановники, члены Думы и общественные дѣятели, весь военный міръ и все чиновничество Кіева, депутаціи разныхъ политическихъ организацій и другія. По сторонамъ, по всѣмъ улицамъ, сплошной стѣной стояли многія тысячи народа. Настроеніе было благоговѣйное и скорбное... Мѣстами среди народа слышались непритворныя рыданія, мѣстами, при приближеніи гроба, народъ становился на колѣни, слышалось: „прости, прости страдалецъ", надо всѣмъ носились печальные звуки „Коль славенъ" и похороннаго марша, исполняемаго военными оркестрами. Самое погребеніе, въ виду тѣсноты, было менѣе народнымъ, но столь же скорбно и величаво...

Свершилось; нѣтъ въ Россіи П. А. Столыпина. Какъ 30 лѣтъ тому назадъ, 1 марта 1881 года у Россіи былъ отнятъ великій Царь Освободитель, которому сейчасъ, съ юбилейныхъ дней 19 февраля, благодарное крестьянство ставитъ по лицу всей русской земли тысячи памятниковъ, притомъ отнятъ въ такую минуту, когда онъ готовился

даровать новыя блага народу,—такъ и 1 сентября 1911 г. вырванъ изъ жизни русскаго государства лучшій гражданинъ русскій, могучій защитникъ родины и вѣрнѣйшій слуга Царя. Отнятъ въ то время, когда проведеніемъ закона о землеустройствѣ онъ такъ блестяще завершилъ освободительную реформу 19 февраля 1861 года и съ великимъ усиліемъ проводилъ его въ жизнь народную; отнятъ, когда проведенный въ порядкѣ чрезвычайномъ законъ о западномъ земствѣ далъ великій толчекъ дѣлу развитія русской культуры въ западномъ краѣ и закрѣпилъ за ней 8 западныхъ губерній, которыя поляки и мазепинцы мечтали постепенно отторгнуть отъ великой родины; отнятъ въ то время, когда цѣлый рядъ законовъ, направленныхъ къ цѣлости и благу Россіи, ждалъ своего утвержденія въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ и введенія твердой рукой покойнаго въ русскую жизнь.

Кто бы ни былъ подлый убійца—революціонеръ ли, продававшій съ юношескихъ лѣтъ своихъ товарищей и въ то же время активно участвовавшій въ революціонной работѣ, или же изобличенный охранникъ, подъ страхомъ смерти взявшій на себя позорную роль палача,—рука его во всякомъ случаѣ могла быть направлена только врагами единой, мощной и славной Россіи, врагами ея развитія на благо народное и на страхъ ея врагамъ. Какъ это было 30 лѣтъ назадъ, такъ и сейчасъ руку убійцы направили соціалисты-революціонеры, народовольцы—террористы или максималисты,—названіе безразлично,—зовущіе себя друзьями народа, а въ дѣйствительности вѣрнѣйшіе слуги всѣхъ враговъ Русской Земли. Какъ тридцать лѣтъ назадъ, такъ и сейчасъ этими ложными друзьями было совершено великое насиліе надъ цѣлымъ русскимъ народомъ, сдѣлана надъ нимъ величайшая насмѣшка и нанесено ему тяжкое оскорбленіе: нагло отнятъ у него великій гражданинъ, кормчій русскаго корабля, самый любимый и всенародно извѣстный человѣкъ въ Россіи.

Незначительная по численности кучка людей, кучка

позорныхъ ничтожествъ, преданныхъ безумнымъ фантазіямъ, убогихъ мыслью, среди которыхъ, какъ выяснилось въ послѣднее время, къ тому же, кишатъ, перепутываясь въ своихъ роляхъ, измѣнники революціи, продающіе ее агентамъ полиціи и охранѣ, и раскаявшіеся охранники, выдающіе полицейскія тайны революціонерамъ. Ужасъ и обида послѣдняго преступленія въ томъ, что, посягая на главу правительства, эта презрѣнная кучка осмѣлилась выступать вершительницей судебъ великаго народа.

Конечно, эта кучка негодяевъ была бы безсильна даже для такихъ жалкихъ дѣлъ, какъ убійство изъ-за угла, если бъ она не находила преступной среды, питающей ее, и укрѣпляющей дрожащія руки этихъ вырожденцевъ, направляющихъ браунинги.

Преступная среда эта—всѣ исконные враги русской государственности, которымъ нуженъ развалъ Россіи. Не менѣе зловредна и среда теоретиковъ, съ иноземными политическими идеалами, съ холодными ко всему русскому сердцами, если и друзей свободы, то только свободы инородческой, боящихся пуще огня русской силы, которые какъ проговорился одинъ изъ ихъ лидеровъ, въ годину японской войны не знали, „желать ли имъ побѣдъ нашей арміи“.

Невозможно, однако, чтобы ничтожества явились вершителями судебъ великихъ народовъ; какъ ни прикрываютъ они свой ничтожный ростъ, увеличивая свою силу при помощи динамита и направленныхъ изъ за угла браунинговъ, они остаются все же величинами неизмѣримо малыми въ великомъ историческомъ потокѣ. Жизнью народовъ руководятъ неизмѣнные законы роста и здороваго развитія, установленные Божественнымъ Промысломъ, и только великіе люди, согласующіе свои дѣйствія съ этими законами, оставляютъ слѣдъ въ жизни народовъ, даютъ толчекъ ихъ движенію ко благу, а имена ихъ заносятся въ скрижали исторіи. Дѣла же презрѣнныхъ убійцъ предаются забвенію, и они не могутъ отразиться на жизни великаго народа русскаго, на будущемъ великой Россіи.

Столыпинъ убитъ, но великій его трудъ, дѣло его жизни живы, и жертва имъ принесена не даромъ. Ставъ во главѣ правительства въ минуту революціи, когда Россія была охвачена безобразной смутой, онъ прежде всего подавилъ ее и возстановилъ порядокъ и уваженіе къ власти. Достигъ онъ этого не одной только силой, а нравственнымъ обаяніемъ своей личности и тѣмъ, что доказалъ обществу и законодательнымъ учрежденіямъ, что честность и правда на сторонѣ правительства, а дѣятели революціи, называющіе себя друзьями народа, выведенные къ свѣту, оказались только убійцами и грабителями. Достигнувъ извѣстнаго покоя и порядка въ странѣ, онъ привелъ Россію къ представительному строю. Послѣ двухъ революціонныхъ Думъ, по волѣ Самодержавнаго Государя, даровавшаго новый избирательный законъ, онъ создалъ третью Государственную Думу и работалъ съ народными представителями до конца жизни. Теперь никто изъ преданныхъ русской государственной идеѣ гражданъ русскихъ не сомнѣвается, что установившійся строй проченъ и неизмѣненъ. Никогда еще, ни въ одной странѣ это трудное измѣненіе строя, т. е. строя дореформеннаго въ строй представительный не совершался такъ быстро, такъ безболѣзненно и съ такими ничтожными потерями, въ такомъ порядкѣ и стройной системѣ. Правительство, во главѣ котораго стоялъ Столыпинъ, не могло работать, не имѣя основной идеи государственнаго строительства; прежнія шатанія государственной политики, не только въ зависимости отъ лица или учрежденія, стоящаго во главѣ правительства, но и въ зависимости отъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, были несовмѣстимы съ новымъ представительнымъ строемъ и тѣмъ единствомъ, которое должно быть обязательнымъ при этомъ строѣ между членами Совѣта Министровъ. Въ основу идеи русскаго государственнаго строительства Столыпинъ положилъ требованія національнаго русскаго чувства, какъ чувства преобладающей народности, при возможномъ его согласованіи съ интере-

сами другихъ подвластныхъ народностей, и поставилъ цѣлью правительственной заботы экономическое благосостояніе русскихъ гражданъ, справедливое удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ нуждъ, цѣлость, достоинство и мощь Русскаго государства. Кладя въ основу право самобытнаго стремленія осуществить эти задачи для народа, создавшаго потомъ и кровью Русское государство, онъ принялъ за базисъ возрожденія русской государственной жизни вѣрность исконнымъ ея устоямъ и, прежде всего, незыблемую вѣрность Самодержавной власти русскихъ Государей. Съ высоты думской трибуны, предъ лицомъ народныхъ представителей, онъ доказалъ полную согласованность такой власти съ новымъ строемъ. Онъ доказалъ, что новый строй не можетъ умалить Самодержавной власти, безцѣнной и спасительной въ минуты бѣдствій и переломовъ въ странѣ, что онъ можетъ расти и развиваться вмѣстѣ съ ростомъ обаянія Царскаго самодержавія. Къ этой власти, при руководимомъ Столыпинымъ правительствѣ, не только вернулось прежнее ея обаяніе, но обаяніе это возросло и дало возможность Царю стать ближе къ своему народу. Установивъ крѣпкое правительство, Столыпинъ повелъ русскую политику по руслу русскихъ интересовъ, русскаго достоинства и чести.

Возрожденіе русской жизни на великихъ началахъ, возвѣщенныхъ Царскимъ манифестомъ, онъ считалъ возможнымъ и достижимымъ только при предварительномъ осуществленіи экономическаго укрѣпленія крестьянскаго земледѣльческаго населенія, а потому и довершилъ великое дѣло Александра II, освободивъ закономъ 9-го Ноября 1910 г. крестьянина отъ тисковъ общины и давъ ему возможность сдѣлаться собственникомъ, землевладѣльцемъ и свободно примѣнять свой трудъ къ хозяйству на своей собственной землѣ. До самой кончины своей Столыпинъ затрачивалъ много энергіи на осуществленіе землеустройства, и въ этой области многое уже сдѣлано. Онъ содѣйствовалъ, равнымъ образомъ, созданію тамъ же внизу мѣстнаго

суда, охраняющаго законность и порядокъ; законопроектъ объ этомъ судѣ, которому Столыпинъ придавалъ большое значеніе, былъ доведенъ имъ до Государственнаго Совѣта, гдѣ сейчасъ онъ и разсматривается. Направивъ дѣло укрѣпленія низовъ—этого фундамента государственной жизни—и создавъ прочныя основы русской государственной политики, онъ вложилъ свои силы въ дѣло укрѣпленія цѣльности Русскаго государства и созданія его мощи. Для первой цѣли онъ настоялъ на проведеніи Амурской желѣзной дороги, являющейся продолженіемъ великаго Сибирскаго пути и предназначенной, по его словамъ, служить „желѣзнымъ обручемъ", связующимъ Европейскую Россію съ русскимъ Востокомъ. При дружной работѣ Столыпина съ народными представителями въ дѣлѣ государственной обороны, сдѣланъ былъ громадный шагъ впередъ, и въ этой области достигнуто за послѣднія пять лѣтъ значительное увеличеніе нашей мощи. Не мало сдѣлано Столыпинымъ и въ дѣлѣ закрѣпленія Державныхъ правъ русскаго государства на окраинахъ и поддержанія русскаго уклада жизни тамъ, гдѣ онъ подвергался утѣсненію со стороны болѣе сильныхъ экономически инородцевъ. Два финляндскихъ законопроекта,—одинъ, устанавливающій равноправіе русскихъ въ Финляндіи съ финляндскими гражданами, и другой, устанавливающій размѣръ денежной уплаты со стороны Финляндіи за неотбываніе финнами воинской повинности, недавно принятые значительнымъ большинствомъ Государственной Думы, вводятъ Финляндію въ область общаго государственнаго управленія и устанавливаютъ державное обладаніе Россіи этимъ краемъ. Законопроектъ о выдѣленіи Холмщины въ отдѣльную губернію съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ, имѣющій цѣлью поддержаніе русскаго уклада жизни, находившагося въ этомъ краю въ большой опасности отъ польскаго засилія, тоже разсматривается въ Государственной Думѣ. Наконецъ, введеніе земства въ Западномъ краѣ съ куріальною системою выборовъ явилось послѣднимъ вели-

кимъ шагомъ Столыпина въ дѣлѣ укрѣпленія русскаго уклада жизни въ этомъ исконномъ русскомъ краѣ и установленія еще болѣе крѣпкой связи его съ единой для всѣхъ русскихъ родиной. Наконецъ, для вещественнаго осуществленія благъ, возвѣщенныхъ Царскими манифестами послѣднихъ лѣтъ, правительство, во главѣ котораго стоялъ Столыпинъ, выработало цѣлый рядъ законопроектовъ, устанавливающихъ нормы примѣненія ихъ къ жизни; въ томъ числѣ былъ выработанъ и законъ о вѣротерпимости, представляющій широкую свободу въ исповѣданіи вѣры, но сохраняющій положеніе Православной Церкви, какъ господствующей. Законопроектъ этотъ, пройдя черезъ Государственную Думу, вышелъ оттуда въ значительно измѣненномъ видѣ и теперь, находясь на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта, подвергается строгой критикѣ православныхъ іерарховъ, какъ опасный для господствующей Церкви. Столыпинъ же, вырабатывая нормы для возвѣщенной Указомъ 17 Апрѣля и Манифестомъ 17 Октября свободы совѣсти, просилъ народныхъ представителей не забывать, что законъ этотъ предназначенъ для Русскаго государства и что онъ долженъ получить утвержденіе Царя, который болѣе чѣмъ для ста милліоновъ своихъ подданныхъ—Царь православный. Онъ видѣлъ противовѣсъ даваемой иновѣрцамъ свободы исповѣданія въ самодѣятельности самой Православной Церкви, имѣющей издревле установленныя средства для возстановленія своей жизненности въ формѣ церковныхъ соборовъ, самостоятельной жизни приходовъ, и др., и не его вина, конечно, что средства эти не примѣняются. Охраняя чистоту правительственной власти, Столыпинъ стремился очистить среду чиновниковъ отъ хищниковъ и мздоимцевъ, а потому горячо поддерживалъ работу сенаторскихъ ревизій, и въ темной области хозяйственныхъ предпріятій правительства достигъ значительнаго оздоровленія. Наконецъ, великая заслуга Столыпина въ томъ, что онъ такъ прочно поставилъ русскую государственную политику, давъ окрѣпнуть ея корнямъ

въ пробужденномъ національномъ самосознаніи общества и народа, а также въ средѣ ихъ избранниковъ,—народныхъ представителей,—такъ прочно объединилъ само правительство и укрѣпилъ въ немъ сознаніе русскихъ государственныхъ задачъ, что отнынѣ перемѣны высшихъ сановниковъ не могутъ уже колебать правительственной политики, а русскій государственный корабль пойдетъ неизмѣнно по руслу, открытому русскимъ богатыремъ. Вотъ что сдѣлалъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ! Вотъ на что затратилъ онъ лучшіе годы своей жизни, за что онъ отдалъ самую жизнь!

Онъ, горя самъ любовію къ Россіи, какъ прирожденный націоналистъ, пробудилъ своими призывами въ рѣчахъ, гремѣвшихъ съ трибуны Государственной Думы, русское самосознаніе и помогъ подняться той волнѣ народнаго чувства, которая, какъ неизбѣжный законъ, должна была встать на встрѣчу обидъ и ранъ, наносимыхъ родинѣ враждебными силами. По велѣнію Царя онъ неустаннымъ трудомъ поставилъ, наконецъ, Россію на путь новой жизни, указалъ на ея задачи и завѣщалъ намъ свои завѣты.

Что же завѣщалъ намъ тотъ, чьи уста и въ минуты предсмертной агоніи шептали, мысленно, обращаясь къ намъ: „граждане! граждане!..“

Онъ завѣщалъ намъ любовь къ Россіи и къ русской народности, любовь, требующую отъ насъ готовности жертвовать родинѣ всѣмъ, до жизни включительно, любовь къ родинѣ, какъ къ великому государству, созданному трудомъ, кровью нашихъ русскихъ предковъ и навѣки недѣлимому,—любовь, выражающуюся въ почтеніи къ историческому прошлому родины, въ горячей заботѣ о ея благоденствіи, цѣльности и могуществѣ въ настоящемъ, и въ вѣрѣ въ ея великое будущее. Онъ завѣщалъ намъ любовь и неизмѣнную вѣрность самодержавной власти русскихъ государей, какъ къ оплоту цѣлости и могущества государственнаго во времена мирнаго теченія государственной жизни, и безцѣннаго сокровища въ дни уклоненій государственной жизни отъ исконной правды русской. Онъ завѣщалъ намъ

свою любовь къ исконной вѣрѣ Православной и особыя заботы о процвѣтаніи ея, какъ Церкви господствующей. Онъ завѣщалъ намъ любовь къ свободѣ, но не къ той свободѣ, которая доступна только верхнимъ, болѣе обезпеченнымъ классамъ и остается пустымъ звукомъ для всего народа русскаго, а къ свободѣ, построенной на основѣ хозяйственнаго благосостоянія земледѣльческаго населенія, составляющаго огромное большинство русскихъ людей, которая можетъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія положеній и состояній. Онъ завѣщалъ намъ, поэтому, особыя заботы о подъемѣ благосостоянія крестьянскаго населенія, о его просвѣщеніи и о внесеніи въ жизнь его порядка и законности. Наконецъ, онъ призывалъ насъ къ общей, дружной, основанной на взаимномъ довѣріи, честной работѣ, какъ истинныхъ гражданъ своей родины, на всѣхъ ступеняхъ государственнаго дѣла, а равно въ областяхъ хозяйственной, промышленой, такъ какъ честный, добросовѣстный и упорный трудъ можетъ дать благосостояніе, просвѣщеніе и свободу каждому, созидая въ то же время богатство и могущество всего государства.

Таковы завѣты П. А. Столыпина; они не умрутъ, они останутся жить въ сердцахъ русскихъ людей. Ужасный выстрѣлъ, сразившій усталаго и тлѣннаго человѣка, далъ безсмертіе его завѣтамъ, далъ имъ только новую силу.

„Не говори онъ умеръ; онъ живетъ;

Пусть жертвенникъ разбитъ—огонь еще пылаетъ!“

Убійцы, ихъ прямые подстрекатели и тѣ, которые, не принимая прямого участія въ черномъ дѣлѣ, строили все же свои разсчеты на „устраненіи“ Столыпина,—ошиблись; вмѣсто того, чтобы ослабить, придавить и уничтожить ненавистное имъ національное русское чувство, ихъ новое злодѣяніе подняло въ русскомъ обществѣ и народѣ русскомъ такую могучую волну этого чувства, которая сломаетъ и смоетъ безъ слѣда всѣ ихъ ковы и злоумышленія противъ русской народности. Кровь безвинно погибшаго, оро-

сивъ русскую землю, вызоветъ въ ней лишь новыя жизненныя силы дастъ новые богатые всходы русскаго народнаго самосознанія. Такъ должно быть. Это естественно. Это единственный, достойный русскаго народа отвѣтъ на гнусное и безстыдное посягательство на его свободу, на его національное достоинство и на его мощь. „Въ древней Руси,—сказалъ І. В. Никаноровъ, заканчивая свою рѣчь на вечерѣ въ память Столыпина—„былъ страшный обычай: существовала вѣра, что въ основаніе крѣпости надо заложить живого человѣка, чтобы эта крѣпость была сильна. Въ основу національной Россіи положенъ живой Столыпинъ, и выростетъ она на землѣ, политой его кровью". Слова г. Никанорова должны оказаться пророческими. Россія выдвинетъ на мѣсто героя мученика десятки, сотни, тысячи честныхъ и мужественныхъ слугъ родинѣ и Царю, которые, помня завѣты погибшаго богатыря и его мужественный примѣръ, съ особой силой возьмутся за трудъ на всѣхъ путяхъ обновленной русской жизни.

П. А. Столыпинъ былъ человѣкъ подвига. Ему не пришлось проявить себя „въ сраженіи", но „въ борьбѣ" онъ былъ героемъ. Однако, „высшій подвигъ" онъ свершилъ въ послѣднія минуты своей жизни, когда, во время жестокихъ страданій, проявилъ необычайное „терпѣніе", а на совершенное по отношенію къ нему смертоносное злодѣяніе отвѣтилъ не гнѣвомъ и проклятіями, но „любовью" къ дорогой ему странѣ, къ родному народу и „мольбою" за обожаемаго имъ Монарха.

Теперь необходимо широкимъ кругамъ мыслящей Россіи проникнуться завѣтами П. А. Столыпина, необходимо воспитать въ себѣ русскихъ гражданъ и стать на служеніе родинѣ.

Насъ призываютъ къ сооруженію памятника безвременно погибшему великому русскому государственному дѣятелю, такому дѣятелю, подобные которому родятся только на разстояніи вѣковъ, и нашъ долгъ, конечно, откликнуться на этотъ призывъ; но прежде чѣмъ будетъ сооруженъ

достойный героя памятникъ изъ брозны и гранита, надо позаботиться о томъ, чтобы обезпечить прочное и широкое будущее его дѣлу. Поэтому необходимо всѣмъ, вѣрнымъ завѣтамъ погибшаго русскаго богатыря, истиннымъ гражданамъ русскаго государства объединиться и, дружно поднявшись, забывъ обычную лѣнь и равнодушіе, избрать въ будущую, четвертую Думу только людей, вѣрныхъ этимъ завѣтамъ. Это будетъ лучшій памятникъ, памятникъ нерукотворный, для любившаго беззавѣтно родину, безстрашнаго и вѣрнаго исполнителя державной воли нынѣ царствующаго Царя-Преобразователя.

Изданія Всероссійскаго Національнаго Клуба.

27. **В. Красновъ. Герои русско-японской войны. Бой подъ Тюренченомъ. Ц. 10 к.**

28. **Н. Полевицкій.** Что дѣлать крестьянину на своемъ хуторѣ, чтобы получить большой доходъ. **Ц. 20 к.**

29-а. **К. П. Медвѣдскій. Ломоносовъ. Ц. 10 к.**

29-б. **А. И. Ксюнинъ. Конецъ Смуты и народные герои (Мининъ, кн. Пожарскій и Сусанинъ). Ц. 10 к.**

30. **Д. Н. Вергунъ. Россія и Турція. Ц. 10 к.**

31. **А. Антоновъ. Наша страна. Книга удостоена преміи „Всероссійскаго Національнаго Клуба". Ц. 45 к.**

Проф. П. И. Ковалевскій. Геройскіе подвиги русскихъ моряковъ, съ 60 рисунками. Ц. 25 к.

36. **Н. А. Энгельгардтъ. Александръ I. Его жизнь и сподвижники царствованія. Ц. 20 к.**

34. **Н. А. Энгельгардтъ. Александръ Благословенный и Отечественная война. Ц. 10 к.**

33. **12-й годъ. Мятлева.**

35. **Андріановъ. Бородинскій бой. Ц. 10 к.**

32. **Война 12-го года** въ картинахъ. **Ц. 15 к.**

38. **Высочайшіе указы** и манифесты, относящіеся къ войнѣ 1812-го года. **Ц. 20 к.**

39. **Манифестъ Войску Донскому,** снимокъ съ подлинника, листъ 5 к.

13. **Кантата: „День встаетъ багрянъ и пышенъ". Ц. 2 р.**

Всѣ книги съ портретами, рисунками и чертежами.

Изданія Всероссійскаго Національнаго Клуба.

Выпущена въ продажу 1 серія ученическихъ тетрадей,

обложка которыхъ украшена съ одной стороны рисункомъ, а съ другой соотвѣтственнымъ текстомъ.

Для первой серіи взяты слѣдующіе рисунки:

Сусанинъ, Петръ Великій, Ломоносовъ, Суворовъ, Пушкинъ, Гоголь и Тургеневъ.

Цѣна тетрадей: **1** шт.—**3** к., **10** шт.—**22** к. При покупкѣ партіями, торговцамъ и учрежденіямъ скидка. Упаковка и пересылка за счетъ покупателя.

Готовится серія тетрадей съ картинами событій 1812 года (Верещагинская серія) въ 8 красокъ. Цѣна остается таже.

Земства, городскія самоуправленія, попечительства о народной трезвости, земскіе книжные склады, школы, учебныя заведенія, приходы, волостныя управленія и т. п., а также члены Всероссійскаго Національнаго Клуба, при выпискѣ не менѣе ста экземпляровъ каждаго выпуска, не платятъ за пересылку и, кромѣ того, пользуются 10% скидки. При выпискѣ же менѣе 100 экземпляровъ каждаго выпуска эти же учрежденія не платятъ только за пересылку.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

Выпущена медаль въ память **П. А. Столыпина** въ 2¼ дюйма. Цѣна: свѣтлобронзовой 2 р., темнобронзовой 1 р. 50 к.

Портретъ **П. А. Столыпина**, офортъ, исполненіе академика М. В. Рундальцева. Цѣна: 1 р.; тотъ же портретъ 25 к. и 2 к.

Требованія и деньги нужно адресовать:

С.-Петербургъ, Литейный 10. Всероссійскій Національный Клубъ.

Книжный ск...
4 р. ...
Петроградск. Центр. ...

Типографія Р. В. Коротаевой, Спб., Загородный пр., 10.

КОПИРОВАНИЕ

2С.04.05.